

Федеральное агентство по образованию Российской Федерации
Амурский государственный университет

Проказин В.В.

**Социология домашнего
хозяйства**

Благовещенск
2006

Проказин В.В. Социология домашнего хозяйства: Учебное пособие /
Сост. В.В.Проказин. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – 125с.

Учебное пособие предназначено для студентов специальности «Социология». В работе рассматриваются с позиций социологии как науки особенности домашнего хозяйства как социального явления.

Рецензент: Королева Г.В., доцент, кандидат философских наук
(Дальневосточный государственный аграрный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Тема 1. История экономико-социологического изучения домашней экономики	6
Тема 2. Сущность и функции домашней экономики	15
Тема 3. Классификация домашних хозяйств	34
Тема 4. Проблемы домашнего труда	38
Тема 5. Реципрокные взаимодействия	45
Тема 6. Специфика домохозяйств плановой, транзитной и рыночной экономики	68
Тема 7. Бюджет (финансы) домохозяйства	75
Тема 8. Гендерные аспекты функционирования домашнего хозяйства	91
Приложение. Программа курса «Социология домашнего хозяйства»	112

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплина «Социология домашнего хозяйства» предусмотрена учебным планом по специальности «Социология».

Цель преподавания дисциплины – формирование представления о социологической интерпретации такого явления как домашнее хозяйство, прежде всего, семейное домашнее хозяйство.

Основные задачи:

- сформировать у студентов представление о специфике социологического подхода к изучению домашнего хозяйства, показать различия экономической и социологической интерпретации домашней экономики;
- сформировать представление о домашнем хозяйстве как неформальной, неизмеримой, субстантивной и семейной экономике;
- сформировать представление у студентов о сущности домашнего хозяйства, его основных функциях, структуре и видах;
- познакомить студентов с особенностями гендерных отношений в домашнем хозяйстве, распределения половых ролей;
- сформировать представление о роли возраста в детерминации статуса в домашнем хозяйстве, о социальных функциях членов домашнего хозяйства разного возраста;
- познакомить с ролью социальных связей в функционировании и развитии домохозяйств;
- сформировать представление об особенностях социальной политики в отношении домохозяйств в современной России.

ТЕМА 1. ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЗУЧЕНИЯ ДОМАШНЕЙ ЭКОНОМИКИ

Для понимания специфики развития экономико-социологической мысли на самом раннем этапе русской истории весьма ценным источником, первым сводом правил ведения домашнего хозяйства, служит “Домострой”.

Этот документ подчеркивает хозяйственно-экономическую самостоятельность отдельной семьи в воспроизводстве индивидуальной рабочей силы, ее обособленность в потреблении и производстве материальных благ. С удивительной точностью в нем отражены: характер быта, хозяйство, экономические взаимоотношения того времени.

В “Домострое” можно обнаружить рекомендации по выполнению всех функций в домашнем хозяйстве: хозяйственно-бытовой, потребительской, производственной, сберегательной и воспроизводственной.

Дальнейший анализ развития отечественной экономической мысли убеждает в существовании тесной связи экономических идей с хозяйственно-политическими проблемами того или иного исторического этапа.

Вступление России в XVII – XVIII вв. в эпоху первоначального накопления капитала совпадает с формированием идей меркантилизма и отражением их в экономической политике государства. Учитывая, что в первой четверти XVIII в. 97% податного населения России относилась к крестьянскому сословию, наибольший интерес из экономических сочинений того времени, в котором дается анализ крестьянского домашнего хозяйства, представляет работа И.Т. Посошкова “О скудости и богатстве”, в которой особое внимание обращается на производственную функцию домохозяйств в виде создания “церковной десятины”, “царского сбора” и продуктов для продажи и потребления. Экономическую мысль России конца XVIII – начала XIX века, с позиций исследования домашнего хозяйства, следует представить рассуждениями М.М. Щербатова, П.И. Рычкова, М.Д. Чулкова, Н.М. Карамзина, М.М. Сперанского. Их суждения сводились к частичному

реформированию экономики сельского хозяйства: ограничению барщинных дней, запрету продажи крестьян без земли и др.

В то же время формировалось другое направление экономической мысли, к которому относились сторонники ликвидации крепостного права – И.А. Третьяков, выступающий за утверждение права собственности каждого гражданина; С.Е. Десницкий, видевший причины недостаточного развития производительных сил России в сохранении крепостничества, отсутствии собственности у трудового народа, в несовершенстве налогообложения различных слоев общества.

Из экономических взглядов конца XIX века, наибольший интерес представляют суждения М.И. Туган-Барановского. Он являлся представителем отечественной аграрной экономической науки. В его работе “Основы политической экономии” особую значимость имеет классификация форм промышленности с подробной характеристикой каждого элемента. Так им выделяются: домашнее производство, ремесло, кустарничество, мануфактура, фабрика и производственная артель. Нужно заметить, что домашнее производство является основой для организации кустарного производства и ремесла, так как зачастую излишки продуктов труда в домашнем производстве идут на продажу, формируя у домохозяйств желание регулярно получать деньги для расширения товарообмена и удовлетворения своих потребностей.

Как ремесло, так и кустарная промышленность домохозяйств в России, по свидетельству Туган-Барановского, имели гораздо меньшее распространение чем на Западе и являлись не основной, а дополнительной формой занятости в крестьянском хозяйстве, так как “наши русские города были не промышленными, а частью административными, частью торговыми центрами”. Поэтому, главными проблемами для русских домашних хозяйств были земельные вопросы, что связано, в первую очередь, с общинным землепользованием, которое обладает рядом характерных черт, снижающих эффективность работы.

В начале XX века, в связи с активным развитием капиталистических отношений, уже просматривается выделение домохозяйств крестьянского и городского типа. При этом, крестьянские домохозяйства с сельскохозяйственным и ремесленным типами производства преобладали, объединяя в себе до $\frac{3}{4}$ русского населения. Городские домохозяйства были представлены семьями рабочих и служащих.

Приняв такое деление, следует рассмотреть взгляды экономистов того времени. Здесь можно выделить три основных течения: неонародническая школа (Чаянов, Челинцев, Макаров), изучавшая и защищавшая мелкое и среднее крестьянство; буржуазное направление (Кондратьев, Литошенко, Вайнштейн, Бухарин), изучавшее крестьянство и его связь с крупным промышленным производством; марксистская школа (Ленин, Ярославский, Коларов, Верменичев, Милютин, Лаптев и другие), отражавшая преимущественно интересы пролетариата.

Особое внимание следует обратить на взгляды А.В.Чаянова, который внес огромный вклад в теорию сельскохозяйственного производства, обобщив исследования таких экономистов-аграрников, как: А.Болотов, Д.Шелехов, А.Скворцов, В.Косинский, Н.Черненко, А.Фортунатов. Также, определенное влияние на его деятельность оказали воззрения А.Челинцева, Н.Макарова, А.Рыбникова.

Наиболее интересен труд Чаянова “Организация крестьянского хозяйства”, в котором подвергаются глубочайшему анализу все факторы, влияющие на функционирование и развитие хозяйствующей семьи.

Дальнейший процесс обобществления производства в России направил экономическую мысль на исследование домашнего хозяйства как личной собственности (владение, пользование, распоряжение) и ее разновидности – личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Параллельно этому, в социологии исследовалась семья и ее воспроизводственная функция.

С середины XX века домашнее хозяйство, в работах советских ученых, представлено как особая экономическая категория, раскрываемая с помощью системы научных взглядов в области экономики, статистики и социологии.

Формирование представления о домашнем хозяйстве в работах западных экономистов впервые дается в трактате знаменитого греческого мыслителя Ксенофонта (V-IV вв. до н.э.) – “Домострой”. Ксенофонт пытается сформулировать понятие хозяйства, которое носило натуральный характер в условиях так называемого “традиционного” общества.

Исследуя различные подходы к домашнему хозяйству нельзя обойти вниманием взгляды представителей одного из направлений классической политической экономии, возникшего во Франции в середине XVIII века – системы физиократов. На наш взгляд, Ф. Кенэ и его последователи не дают каких-либо специальных рассуждений по поводу домашнего хозяйства, но современное понимание этой категории позволяет нам выделить в их теории ряд содержательных аспектов, впоследствии более основательно разработанных в других учениях.

Известно, что современная экономическая наука на макроуровне изучает домашние хозяйства как определенную совокупность экономических единиц, положение которых оказывает влияние на национальную экономику. В упрощенном виде эту взаимосвязь мы можем найти у Ф. Кенэ, выводящего знаменитые формулы естественного порядка.

Данные рассуждения, получившие название – экономический либерализм, показывают необходимость не только свободы хозяйственной деятельности в любых ее проявлениях, для реализации совокупности экономических интересов, но и необходимость согласованных действий всех субъектов хозяйствования, включая домашние хозяйства.

Если обратиться к производственно-экономической характеристике домашнего хозяйства а также его роли в кругообороте ресурсов, продуктов и доходов, то мы не можем не отметить, что физиократы первыми дали теорию распределения доходов. В специфической классовой структуре общества

выделен так называемый “ производительный ” класс – земледельцы и фермеры, которые и создают богатство нации.

Далее физиократы проводят скупуплезный анализ затрат в рамках фермерских хозяйств, что также можно отнести к их заслугам. Три выделенных категории затрат – годовые, первоначальные и земельные остались в арсенале науки и были распространены на любое производство, а не только на земледелие.

Доходно-расходные потоки домашних хозяйств представляют интерес и для современных исследователей и описываются на национальном и региональном уровнях с помощью матриц социальных счетов. Проблема фермерских хозяйств, как проявление собственно производственной функции домашних хозяйств, особенно актуальна для экономики России, где по прогнозам специалистов даже через 50 лет на фермерские хозяйства будет приходиться менее 30% производимой сельскохозяйственной продукции.

Определенный интерес представляют работы, отображающие экономическую деятельность домашних хозяйств в системе макроэкономических показателей – национального дохода и валового внутреннего продукта. В английской классической политической экономии таким экономистом мы можем считать В. Петти, который при подсчетах ВВП и НД исходил из оценок потребления населения страны.

Дальнейший анализ генезиса домашнего хозяйства, обращает наше внимание к суждениям А.Смита и одного из его последователей Ж.Б.Сэя. Речь идет о предоставлении на рынок со стороны домашнего хозяйства факторов производства.

Адам Смит обращает внимание на качественную характеристику факторов, их применение, что в конечном итоге формирует получаемые доходы и потребительские возможности домашних хозяйств.

В рассуждениях Ж.Б.Сэя теория распределения богатства взаимосвязана с теорией обмена и производства. Она точнее, чем у физиократов, по которой материальные продукты обращаются между отдельными классами, а не

отдельными экономическими субъектами. С другой стороны в ней отделено вознаграждение капиталиста от вознаграждения предпринимателя, что у А.Смита было смешано. По существу Сэй “перевернул” подход шотландского экономиста. В теории Смита источники доходов сведены в конечном счете к труду, а по убеждению Сэя источниками доходов служат факторы производства.

“Теория факторов производства” интересна не только со стороны производства, что легло в современной экономической науке в основу теории производственной функции, но и со стороны домашних хозяйств, как поставщиков факторов на рынок ресурсов.

Следующей школой, где мы можем найти воззрения на домашнее хозяйство является историческая школа. Эти суждения были достаточно оригинальны и заполнили всю вторую половину XIX века. Историческая школа пошла по пути отрицания “абстрактной теории” классиков и своим предметом науки сделала изображение действительности.

Представитель школы Карл Бюхер получил широкую известность благодаря своей книге “Возникновение народного хозяйства”, где высказал идею о том, что экономическое развитие проходит несколько стадий. На ранней, семейной стадии, которая охватывает многие десятилетия эпохи средневековья, характерным является семейное хозяйство, производящее продукты для собственного потребления. По мере развития обмена формируется городское хозяйство, выделяются торговые классы. Возникающая таким образом новая общественная структура создает основу для перехода производства товаров за пределы города и образует рынки, требующиеся для развития национального хозяйства. Можно отметить, что несмотря на прозвучавшую в свое время критику в адрес Бюхера о модификации им Гегелевской идеи эволюции в направлении более совершенных форм существования, ценным можно признать наличие сопоставления отношений на различных стадиях экономического развития, что позволило проследить не только экономические процессы, но и

сопутствующие им политические движения, а также выделить в качестве институциональной основы системы – семейное хозяйство, а уже потом город и государство.

Здесь, нам представляется уместным, высказать мнение о том, что все до сих пор рассматриваемые положения по характеристике домашнего хозяйства еще не сформировали “теорию домашнего хозяйства”. На наш взгляд, в историческом ходе развития экономической мысли эту задачу первыми пытаются решить неоклассики.

Неоклассики проводили четкое различие между сферой производства (ее представляла фирма) с ориентацией на максимизацию прибыли, и сферой потребления (ее представляло домашнее хозяйство) с ориентацией на максимизацию полезности.

Домохозяйство охарактеризовано как хозяйствующий субъект, действующий с позиции целевой рациональности, то есть продуманного использования средств и условий для достижения поставленной цели.

В рамках неоклассического направления наибольший интерес представляют работы Г.Беккера, который, как было отмечено в дипломе Шведской академии наук при получении им Нобелевской премии в 1992 году, подтолкнул экономистов к решению новых проблем, помог посмотреть с экономической точки зрения на семейные отношения, образование, дискриминацию, преступность. Работы Беккера стали настоящим прорывом в исследовании гендерных аспектов экономики: разделения труда внутри семьи и принятия решений о выходе на рынок труда, а также дискриминации на рынке труда, анализе производственной функции домашнего хозяйства, распределении дохода в семье и других.

В середине 60-х годов возникает “новая теория домашнего хозяйства”(Г.Беккер, Дж.Минсер, К.Ланкастер), где семья представлена не как пассивный потребитель рыночных товаров, а как активный производитель потребительских благ. Производственная функция домашнего

хозяйства включает теперь не только рыночную, но и нерыночную деятельность членов домохозяйств.

Теоретическим направлением, использующим иные модели окружающего мира и человека в нем, является кейнсианская макроэкономика. Данный уровень исследования предполагает изучение домохозяйств с позиций их двойственной роли в экономике: как основных поставщиков всех экономических ресурсов и как основной расходующей группы в национальном хозяйстве. Могут быть рассмотрены в совокупности доходы, потребление и сберегательное поведение домохозяйств, взаимоотношения с государством, адаптация к изменяющимся условиям хозяйствования.

Таким образом, можно отметить, что, хотя исследования домашних хозяйств в западной экономической мысли были начаты уже давно, в силу сложности и неоднородности объекта, необходимости применения не только экономических но и социологических подходов, данная проблема продолжает находиться в стадии разработки на основе различных методологических подходов.

В последнее время, исследования домашнего хозяйства идут по нескольким направлениям. В социально-демографических исследованиях, домашнее хозяйство представлено как универсальная учетно-статистическая единица. Исследованию домашнего хозяйства как статистической единицы посвящены работы Г. Арбузовой, В. Бобкова, А. Волкова, Г. Горбея, В. Майера и других.

Проблемы уровня жизни, тенденций в доходно-расходных потоках домашних хозяйств нашли отражение в работах В.Бобкова, В.Васильевой, И.Заславского, Е.Красинец, В.Марковой, Е.Магульской, С.Носковой, В.Погребинской, А.Разумова, Ж.Суворовой, Т.Ярыгиной.

Современные взгляды отечественных экономистов на домашнее хозяйство, по нашему мнению, сформировались, с одной стороны, под влиянием западной экономической мысли, а с другой стороны, исходя из

исторического опыта и традиций российской экономики и, разумеется, из происходящих в последние годы экономических преобразований. В первую очередь, ученые акцентировали внимание на стратегии и потенциале домашних хозяйств в переходной экономике.

Серьезное внимание необходимо уделить исследованиям экономических моделей домашнего хозяйства, их классификации и выполняемым функциям. На семинарских занятиях следует остановиться на различных позициях ученых экономистов по данным вопросам.

Заслуживает внимания, региональный аспект функционирования домашних хозяйств. В связи с этим, необходимо обратиться к статистическим данным, характеризующим социально-экономическое положение домашних хозяйств Волгоградской области, формированию и распределению денежных доходов населения. Исследуемые данные должны быть рассмотрены во взаимосвязи с планом социально-экономического развития области.

ТЕМА 2. СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ДОМАШНЕЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема домашней экономики длительное время была на периферии приоритетных тем социальных наук. Справедливости ради надо отметить периодически возникающий интерес к отдельным аспектам домохозяйственной тематики. Так, силуэт домохозяйства и контуры его жизненной орбиты угадывались в работах, посвященных первичной социализации, образу жизни, репродуктивному поведению населения и т.д. Этот далеко не полный перечень проблемных областей, имеющих укорененную традицию в различных отраслях социологии, лишил домохозяйство ореола абсолютно неизведанного сегмента социальной реальности. Однако не будет преувеличением сказать, что в этих работах исследовались не столько проблемы, *конституирующие* домохозяйство, сколько социальные практики его *вписывания* в более широкие социальные контексты. Домохозяйство при таком подходе превращалось из социального феномена, имеющего свою предметную уникальность, в одну из социальных призм, через которые преломлялась изучаемая проблема, имеющая по отношению к домохозяйству внешнее происхождение.

Но даже в такой системе исследовательских координат обращение к проблеме домашней экономики было довольно редким. Важно подчеркнуть, что игнорирование домохозяйственной тематики не было абсурдным или случайным, поскольку имело под собой глубокие основания. В их числе особое место занимали идеологические догмы о рудиментном характере домашней экономики, об ее отмирании по мере общественного прогресса. Но самое, пожалуй, главное, состояло в том, что эта область экономики упорно не втискивалась в прокрустово ложе экономического анализа. Неадекватность домашнего хозяйства классическим объяснительным схемам экономической науки возвела его в ранг аномального явления, вынесенного за скобки анализа во имя сохранения красоты рафинированных моделей.

Однако с середины 70-х годов наблюдается устойчивый рост интереса к домашней экономике со стороны различных дисциплинарных направлений. Подобное переструктурирование научного дискурса было вызвано множеством причин. Отметим наиболее, на наш взгляд, существенные.

Во-первых, изменились *общественные условия*. В частности, высокий уровень безработицы обусловил несостоятельность концептуализации социальной структуры на основе места индивида исключительно в секторе оплачиваемой занятости. Домохозяйство стало площадкой, где вырабатывались и апробировались стратегии выживания тех, кто оказался отвержен формальной экономикой или сознательно предпочел альтернативные формы занятости.

Во-вторых, изменилось *общественное сознание*. Рост внимания к домохозяйствам был в значительной мере предопределен растущим феминистским движением, поскольку именно домохозяйство явилось объектом, концентрирующим множество аспектов взаимоотношений мужчин и женщин.

В-третьих, изменилась *расстановка интеллектуальных сил*. Период методологических разногласий в стане экономистов совпал с периодом становления и институализации экономической социологии. Предлагаемый этой наукой системный взгляд на экономику лишал домохозяйство статуса аномального явления. Более того, именно домашняя экономика явилась тем полем, на котором объяснения социологов выглядели более убедительно, давая перевес в незримом турнире с экономической традицией.

Но самая главная, на наш взгляд, причина “домохозяйственного бума” состояла в осознании невозможности адекватного понимания экономической и социальной реальности при игнорировании ее неформального аспекта. Хронологическое совпадение интереса к домохозяйству и пионерных исследований неформального сектора – неслучайно. Внимание к неформальной экономике спровоцировало интерес к домашнему хозяйству как одному из ее сегментов, наиболее отчетливо опровергающему логику

«экономического человека». Домашняя экономика явилась одним из смысловых разворотов проблемного узла неформальной экономики.

Связь домашней и неформальной экономики прослеживается, как минимум, по трем основаниям.

Первое. “*Самообеспечение*” членов домохозяйства является легальным «производственным цехом» неформальной экономики. Домашняя экономика – не противоречащий закону и наиболее привычный образ неформального мира. Вместе с тем “продуктовая автономность” домохозяйства зачастую базируется на его “ресурсной зависимости” от формальной экономики, так как квалификационный потенциал и ресурсная обеспеченность домашней экономики зачастую восходит к ее связи с формальным сектором. Симбиоз домашнего и общественного хозяйства является частным случаем сложной системы взаимодействия формального и неформального секторов. Соответственно, домашняя экономика – это не просто «производственный цех» неформального мира, но и связующее звено неформальных и формальных ресурсных потоков. В результате домашний труд является не изолированным элементом, а периферийной областью сложной композиции общественного труда.

Второе. Домохозяйство, следуя собственной логике и морали выживания, *санкционирует* степень и интенсивность участия своих членов в неформальной экономике, включая экономику теневую и криминальную. Уход индивида из-под контроля государства означает его переход в область частных схем контроля, важнейшим звеном которого является контроль внутрисемейный.

Третье. Домохозяйство является наиболее лояльным *потребителем* продукции и услуг теневого сектора. Речь идет о благах повседневного спроса. Домохозяйства, не скованные фискальными нормами, оплачивают продукцию теневиков, предоставляя им неучтенные наличные средства. Привлекательность домохозяйства как потребителя формирует отраслевые приоритеты теневой экономики.

Таким образом, не являясь тождественными понятиями, домашняя и неформальная экономики в значительной степени взаимосвязаны. И это не просто связь частного и целого. Это разные миры, бесконечное пересечение которых предопределяет их функциональную значимость, формы проявления и направления развития. Но домашняя экономика имеет связь не только с неформальной экономикой. Контуры домашней экономики являются производными формального порядка и порождаемых им социальных проблем.

Определимся с терминами. Домохозяйство и семья - не синонимы. Смещение этих двух понятий ведет к аналитическим и теоретическим недоразумениям. Понятие “домохозяйство” относится к группе лиц, проживающих под одной крышей и ведущих совместное *хозяйство*, что проявляется в совместном производстве и потреблении благ. В отличие от домохозяйства семья базируется на понятии *родства*, но степень родства, достаточная для объединения в единую семью, зависит от исторического и культурного контекста. Родственная система не реконструируется границами проживания. Ключевое различие этих терминов состоит в различении *группы лиц, ведущих совместное хозяйство*, с одной стороны, и *группы родственников*, с другой. Домохозяйство – это хозяйственная кооперация, а семья – родственная интеграция.

Наиболее распространено деление домохозяйств на простое (нуклеарное) и сложно-семейное. Домохозяйство *нуклеарного* типа в полном виде состоит из супружеской пары и детей. Домохозяйство *сложно-семейного* типа включает и других родственников. Сложно-семейный тип домохозяйств может являться либо одной из фаз жизненного цикла домохозяйства, либо одной из форм его устойчивого состояния. Структура домохозяйства является производной комплекса факторов экономической, правовой, культурной и демографической природы.

Домашнее хозяйство имеет преимущества и недостатки по сравнению с формальной организацией. Слабые стороны домохозяйства как производственной единицы:

- постоянная опасность внутри и межсемейных конфликтов на основе гендерных и поколенческих разногласий;
- трудности в оценивании вклада отдельных членов семьи и принципиальная невозможность пропорционального вознаграждения;
- неостребованность способностей членов домохозяйства ввиду его узкой продуктовой направленности.

Сильные стороны домохозяйства составляют:

- легкость постоянного мониторинга друг за другом ввиду пространственной близости работающих;
- долговременная мотивация участников домохозяйства;
- естественные пределы оппортунистического поведения, сводящиеся к понятию «честь семьи»;
- восприятие издержек участия в домашней экономике как естественных, укорененных в повседневных нормах.

Однако далеко не всякая хозяйственная активность домохозяйства классифицируется как домашний труд. Экономическая деятельность домохозяйства и домашняя экономика – нетождественные понятия. Экономическая активность домохозяйств вполне может иметь и рыночную природу в виде организованного или неформального предпринимательства и самозанятости. Это происходит в случае, когда в интерьере домохозяйства осуществляется деятельность, нацеленная на получение дохода. Возможна и государственно-мобилизационная занятость домочадцев, если домохозяйство производит блага, предназначенные для изъятия в централизованный фонд плановой экономики. То обстоятельство, что блага созданы силами семьи, из собственного сырья, на собственных площадях и с помощью собственных средств производства, не придает труду статус домашнего и не возводит

деятельность в ранг домашней экономики. И даже то, что труд не оплачивается, не является однозначным свидетельством его домашнего характера. Неоплачиваемый труд – понятие довольно широкое, включающее в себя помимо домашнего труда благотворительную деятельность, мобилизационную занятость (армия и пр.), производство благ для сетевого обмена дарами.

Домашний труд, и в этом его кардинальное отличие от рыночного и принудительного труда, нацелен на производство товаров и услуг исключительно для внутреннего потребления домохозяев. Понятие «домашняя работа» объединяет множество самых различных видов трудовой деятельности. Трудность состоит не столько в количественном разнообразии видов домашней работы, сколько в их качественной неоднородности. Одна часть работ нацелена на обслуживание взрослых членов домохозяйства, другая же сводится к уходу за детьми; соответственно, в первом случае осуществляется *физическое воспроизводство* членов домохозяйства, во втором – семья «воспроизводит» себя в новом поколении, тем самым транслируя в будущее *социальную структуру* данного общества. Существует и чисто *производственная* составляющая домашнего труда (например, выращивание урожая). Также возможно разведение домашней работы в континууме «созидание – поддержание», поскольку одни виды домашней работы предполагают *трансформацию* приобретаемых продуктов и услуг в соответствие с запросами домохозяев, другие же нацелены на *сохранение* потребительских свойств тех благ, которыми располагает семья (ремонт, уборка, стирка и пр.).

В рамках домашней экономики производятся блага, предназначенные не для рыночного обмена, а для самообеспечения членов домохозяйства. В той мере, в какой продукция домашнего хозяйства предназначена для рыночной реализации, домохозяйство функционирует в форме *мелкого товарного производства*. В той мере, в какой продукция домашнего труда предназначена для внутреннего потребления, домохозяйство соответствует

канонам *домашней экономики*. И, наконец, создание в рамках домохозяйств благ для обмена на востановительной основе с другими домохозяйствами (обмен дарами) превращает домохозяйство в субъект *реципрокных отношений*. Эти оси (рыночная экономика – домашняя экономика – реципрокный обмен) создают методологическую основу для сравнения домохозяйств. Полезную информацию для социальной политики может дать сравнение распределения в этом пространстве домохозяйств, представляющих разные социальные страты общества.

Домашнее хозяйство ныне рассматривается экономистами как единица, которая максимизирует свое благосостояние в рамках двух основных ограничений: денежного бюджета и бюджета времени. Поскольку предполагается, что доход семьи может быть увеличен за счет сокращения домашнего труда или свободного времени в пользу рыночной занятости, постольку ограничение остается одно – дефицит времени.

С измерением временного ресурса сразу возникают трудности. Прежде всего сказывается нехватка систематических данных о семейных бюджетах времени. Но, главное, не ясно, как измерить цену времени, затрачиваемого в домашнем хозяйстве, как оценить продукт труда, который изначально не предназначен для продажи? Предлагаются два пути преодоления этой основной трудности. Первый – исчислять время, затрачиваемое в домашнем хозяйстве, альтернативными издержками (*opportunity cost*), т.е. величиной заработной платы, которую данный человек мог бы получить за данное время на рынке труда. Второй путь – вменить плодам домашнего хозяйства ту цену, которая установлена рынком на данный вид продукта или услуги. Всех проблем, впрочем, это не решает. В первом случае рыночная цена труда не всегда оказывается адекватным измерителем. Например, производительность труда в домашнем хозяйстве может совершенно не зависеть от того, имеет ли домохозяйка диплом о высшем образовании и ученую степень. И экономистам приходится все-таки апеллировать к разнице субъективных оценок, которые представители более и менее образованных слоев дают

своему домашнему труду. Во втором же случае чужое время, затраченное кем-то на рынке труда для оказания тебе услуги, и твое время, затраченное в домашнем хозяйстве на самообслуживание, вопреки предпосылкам экономической теории, зачастую оцениваются очень разными мерками.

Влияют ли экономические расчеты на решение домохозяйки, стоящей перед выбором: купить стиральную машину, сдавать белье в прачечную или стирать его вручную? Да, влияют, и серьезным образом. Но из этого не следует, что «рыночный» и домашний труд исчисляются одним эквивалентом. Во-первых, данные виды труда могут оцениваться в разных денежных единицах. А во-вторых, домашний труд не всегда измеряется деньгами. Зачастую до количественных оценок дело не доходит, хотя человек и взвешивает качественно разнородные альтернативы. Скажем, мать решает, пойти ли ей работать, чтобы получить дополнительный заработок, или посидеть с ребенком, уделив ему больше внимания и заботы. Для нее это не сопоставление двух денежных сумм.

Производимое человеком ранжирование сплошь и рядом остается плодом «качественного» решения. Иными словами, мы можем сказать, «что выгоднее» с точки зрения данного человека, но не можем утверждать, «насколько выгоднее». Следовательно, возникает сомнение в допустимости математических операций и представления поведенческих характеристик в виде плавных кривых. Конечно, исследователь волен производить калькуляции за своих обследуемых, считая, что они «как будто» исчисляют денежные прибыли и издержки домашнего труда. Но не подменяем ли мы в данном случае главные причины второстепенными? И не проще ли признать, что здесь экономический анализ наталкивается на пределы, за которыми лежат области неизмеримой экономики.

Более важное обстоятельство заключено не в измерительных возможностях исследователя, а в качественной специфике самого домашнего хозяйства, где производственное переплетено с личным, а экономическое с социальным. Ведь по существу речь идет о семейной экономике. Субъектом

«производства» здесь является не отдельный индивид, а семья или несколько семей, ведущих совместное хозяйство. Семья же отнюдь не является группой индивидов, соединенных пунктиром контрактных обязательств. Это тесная надиндивидуальная общность, связанная узами социальных норм и скрепленная обручами кровного родства. Брачные и прочие контракты существуют далеко не везде и выступают лишь одной из форм урегулирования семейных отношений. Но даже если, например, супруги имеют отдельные счета в банке и сохраняют отдельные права собственности, или если в семье только один кормилец, то и тогда отношения редко строятся на базе независимых индивидуальных решений. «Совместное хозяйство», «семейный бюджет» – это не пустые абстракции. Помимо принадлежности к местному сообществу, организации, социальным группам, «экономический человек» также принадлежит семье (клану) как узлу «сильных связей». Здесь определяются пределы и последовательность доступа к ресурсам домашнего хозяйства, дифференцируются хозяйственные права и обязанности его членов.

Обычно экономист находит традиционный выход из положения: он отождествляет домашнее хозяйство как целостную единицу с отдельным человеком, принимающим рациональные решения (напомним, что подобное проделано и в теории фирмы). Таким образом, сложная внутренняя структура домашнего хозяйства из рассмотрения исключается. Между тем в этой структуре таится немало серьезных проблем, одна из которых связана с взаимоотношениями полов в домашнем хозяйстве. Экономист как правило индифферентен к этой проблеме. Сначала в XX столетии действия «экономического человека» опирались на совокупность собственности и гражданских прав, которые принадлежали мужчине. В XX же столетии утвердилось демократическое равенство прав мужчины и женщины. И на первый взгляд, оба в равной степени начали претендовать на роль *homo economicus*. Это позволило вновь избежать постановки щекотливых вопросов.

Между тем, разница гендерных позиций особенно видна именно в

разделении функций в домашнем хозяйстве, где работа в значительной степени лежит на плечах женщины. Экономист, уделяющий внимание внутрисемейным проблемам, объясняет это следующим образом. В силу биологических причин женщины больше вовлечены в уход за детьми и сопряженные с этим домашние обязанности. А раз женщины тратят на них больше времени, то у них появляется и больше стимулов делать вложения не в рыночный «человеческий капитал», а в те его виды, которые повышают эффективность их труда в домашнем хозяйстве. Соответственно, мужчинам в такой ситуации более рационально инвестировать в рыночный «человеческий капитал» и получать более высокие вознаграждения на рынке, чтобы максимизировать совокупную «семейную» полезность. Так возникает замкнутый круг, в котором биологические различия закрепляются и усиливаются экономическими действиями.

Когда мужчина является основным добытчиком средств существования, тогда закрепление за женщиной домашней работы еще можно посчитать «рациональным». И относительно более низкая средняя зарплата женщин действительно способствует закреплению их положения как домашних работниц. Но только как, приняв рационалистическую терминологию, объяснить, почему в семьях, где жена работает, а муж безработный, часто не происходит коренного перераспределения домашних обязанностей? Нечего делать, приходится, махнув рукой, сослаться на роль традиции.

Нельзя сказать, что разделение труда в домашнем хозяйстве не реагирует на изменения в занятости на рынке труда. Но модели его приспособления различны. К ним могут относиться:

- Традиционная модель трудовой зависимости (Dependent Labour), когда женская рыночная занятость вторична по отношению к мужской и не затрагивает домашних обязанностей женщины.
- Эгалитарная модель адаптивного партнерства (Adaptive PartnerChip), когда при увеличении занятости женщины на рынке труда мужчина берет на

себя часть ее домашних обязанностей, балансируя тем самым сравнительную трудовую нагрузку.

- Переходная модель постепенной адаптации (Lagged Adaptation), когда перераспределение домашних обязанностей происходит, но с достаточно большим (порою поколенческим) временным разрывом. И все же вовлечение женщины в сферы формальной занятости, как правило пока не несет ей соразмерного освобождения от домашних обязанностей, а отказ от работы вне дома не сопряжен с адекватным увеличением свободного времени. Это позволяет некоторым социологам-неомарксистам характеризовать отношения между полами в домашнем хозяйстве как прямое продолжение производственной эксплуатации женщины, на которую возлагается тяжелое бремя неоплачиваемого труда. Возник, таким образом, социологический вариант производственного детерминизма, который, во-первых, низводя женщину на роль «пролетария», приуменьшает ее реальную социальную роль и внутреннее влияние в домашнем хозяйстве, а во-вторых, закрывает глаза на то, что экономические функции в данном типе хозяйства тесным образом переплетены с функциями естественного воспроизводства. И никакие демократические и феминистские движения не приведут к достижению полного равенства ситуации для членов семьи, если только они не намерены освободить женщину от материнских обязанностей.

Заземленность домашнего хозяйства на естественные процессы проступает и в форме особых социально-экономических стратегий. Одна из таких базовых стратегий была выявлена на примере крестьянских хозяйств и названа этикой выживания. Она опирается на принцип «безопасность превыше всего» и выражается в избегании риска, пусть даже ценой снижения средних доходов. За столетия была выработана целая система социальных приемов, включающая общинное перераспределение земли, взаимную помощь, добровольное финансирование общих нужд богатыми хозяевами, чтобы гарантировать каждому «святое право на жизнь», застраховаться от развала хозяйства перед лицом резких колебаний производительности по

годам.

Политика выживания важна, разумеется, не только для докапиталистических крестьянских хозяйств. С этой политикой даже увязывается само определение «домашнего труда». Экономисты, напомним, выступали против «субъективизма» и определяли домашний труд как то, что может быть замещено рыночной занятостью. Здесь же нам предлагается иной объективный критерий, позволяющий относить или не относить конкретные занятия к «труду» по характеру их связи с нуждами домашнего хозяйства.

Дело в том, что в домашнем хозяйстве царствует не экономика, сопряженная с рациональным (денежным) просчетом вариантов использования ограниченных ресурсов, а то, что К. Поланьи называл субстантивной экономикой, связанной с жизнеобеспечением человека. Действия человека в такой экономике обусловлены существенно иными мотивами, нежели конвенциональная максимизация прибыли или благосостояния. А.В. Чаянов неоднократно указывал на то, что, например, крестьянское хозяйство руководствуется преимущественно не стяжательскими мотивами. В противоположность фермерскому хозяйству, стремящемуся к максимизации прибыли, оно ориентируется на «бытовые формы трудопотребительского баланса», пытаясь уравновесить тяжесть труда и уровень удовлетворения насущных потребностей.

Классический «экономический человек» чаще всего представляется нам в обликах предпринимателя, максимизирующего прибыль, или потребителя, максимизирующего полезность. В домашнем же хозяйстве мы сталкиваемся с другой его ипостасью, не сводимой ни к первому, ни ко второму облику.

Стратегия выживания, однако, не является единственной политикой семейного хозяйства. И вообще не следует изначально квалифицировать все действия его членов как сугубо традиционалистские. Их стратегии могут быть рассчитаны на более длительную перспективу по сравнению с тем, что реально может себе позволить хозяйственная фирма на рынке. Они также по-

своему рациональны, включая специфические способы перспективного планирования. Экономические элементы такого планирования тесно увязаны с социально-демографическим воспроизводством: как и чему обучать своих детей, когда и за кого выдать замуж (на ком женить), где и на какие средства построить дом молодым до того, как у них появятся дети, и т.д. Откладывание сбережений и накопление имущества, получение потребительских кредитов и развитие домашнего производства – все это связано с заботой о том, кто придет на смену, встанет во главе дома, обеспечит его рабочими руками. И трудно сказать, какой субъект ведет себя рациональнее: домашнее хозяйство или фирма. Скорее, они демонстрируют разные типы рациональности.

Принципиальная черта домашнего хозяйства как моральной экономики заключена в том, что здесь тесно сплетаются рациональное с нерациональным, и крайне трудно вычленив из рационального традиционные, ценностные и аффективные элементы. Так, вторжением неэкономических пристрастий и привязанностей объясняется отчасти тот факт, что несмотря на развитость современной сферы услуг, очень многие обременительные обязанности по-прежнему выполняются внутри домашнего хозяйства, хотя экономически эффективнее было бы нанять профессионалов. Многие люди просто не хотят приглашать в дом «чужих» или отдавать личные вещи «на сторону». Если следовать экономической логике, то при наличии свободных средств почему бы, скажем, не отправить родителей в комфортабельный дом для престарелых. Однако в большинстве семей так не поступают. В подобных случаях происходит систематическое смещение экономического расчета. В результате в стенах домашнего хозяйства homo economicus чувствует себя весьма неловко. Если где-то и существует «чистая экономика», то здесь она превращается в изможденную абстракцию.

Следующая характерная черта домашнего хозяйства заключается в том, что в нем мы вплотную сталкиваемся с неформальной экономикой. Неформальные отношения существуют, конечно, и в государственном, и в

рыночном хозяйственных секторах. Но в данной сфере они обретают особую силу. Зоны домашнего хозяйства, семейной экономики и неформальной экономики во многом наслаиваются друг на друга. Во-первых, домашнее хозяйство является зоной неформальной занятости. Во-вторых, домашнее хозяйство выступает зоной неформальных трудовых отношений, господства патерналистских и фратерналистских стратегий. Наконец, в-третьих, домашнее хозяйство обрастает плотными сплетениями неформального обмена – родственного, соседского, дружеского, этнического. По ним передается информация, оказывается взаимная помощь, в корне отличающаяся от социальной поддержки государства или фирмы.

Экономист склонен представлять неформальные отношения как системы обмена услугами в рамках своего рода «квази-рынков». Преследуя свою личную выгоду, рациональные субъекты вступают в «рыночный» торг. Пусть даже в этом торге тебе оплатят не сразу и в иной форме, все равно здесь сохраняется главный принцип: ты оказал услугу сегодня и, значит, вправе ожидать ответной услуги завтра. Впрочем, в разговоре о таких «рынках» снять кавычки скорее всего так и не удастся в силу множества условностей.

Социолог обращает внимание на следующие обстоятельства. Очень часто неформальный обмен не принимает денежного характера, или деньги в нем играют второстепенную роль, причем, неэквивалентность является скорее нормой, чем исключением. Далее. Здесь действует принцип взаимности (reciprocity), в соответствии с которым возмещение издержек может быть значительно отложено во времени и осуществляться не непосредственным получателем средств, а совсем другим агентом. Более того, весомая часть ресурсов вообще расходуется в форме безвозмездной материальной помощи, что обусловлено существованием нормального жизненного цикла. Конечно, можно представить дело и так: сегодня ты кормишь детей, чтобы завтра они заботились о своих собственных детях, а заодно поддержали в старости и тебя самого. Но сомнительно, чтобы этот

обмен можно было считать экономическим. В большей степени он обеспечивает «право на жизнь» и расставляет статусные позиции в семье и в местных сообществах.

Неформальная экономика часто увязывается с занятостью на микро- и семейных предприятиях, но главной ее отличительной чертой служит отсутствие формальной регистрации, позволяющей не стесняться себя рамками законодательства и не платить налоги. Тем не менее, существуют разные сегменты неформальной занятости. В одном из них хозяйственная активность укладывается в правовые нормы, другой охватывает «полулегальные» виды деятельности, использующие внеправовые зоны или противоречия в законодательстве, а третий включает нелегальную (криминальную) деятельность. Различия между этими сегментами, разумеется, скорее аналитические, в действительности они интенсивно перемешаны.

Структура домашнего хозяйства. Социальная структура домашнего хозяйства определяется двумя группами факторов: его социально-демографической композицией (число членов, их пол и возраст, процент работников в общем составе) и социокультурными особенностями (образование, классовая принадлежность, широта и плотность социальных связей, специфика норм и обычаев). Эти группы факторов определяют, с одной стороны, уровень и структуру запросов, а с другой – трудовые возможности данного хозяйства.

Структура домашнего хозяйства сегодня подвергается серьезным изменениям, среди которых можно выделить следующие:

- возрастает доля домашних хозяйств, основанных на нуклеарной семье или одной семейной паре;
- сокращается количество крупных домашних хозяйств, обслуживающих большие семьи и группы семей;
- увеличивается удельный вес домашних хозяйств, где основным работником и кормильцем является женщина;

- все чаще женщины (особенно замужние) сочетают домашний труд с формальной занятостью;
- снижается уровень формальной занятости молодежных групп вследствие безработицы и удлинения сроков образования;
- усиливается географическая мобильность домашних хозяйств.

Все это влияет не только на изменение связей между рынком и домашним хозяйством, но и на перераспределение ресурсов в самом домашнем хозяйстве, которое предстает в растущем многообразии дифференцированных форм.

Происходит и серьезное обновление технологической базы домашнего хозяйства. Ожидалось, что техника «отнимет» у него многие привычные экономические функции. Но процесс оказался нелинейным, что демонстрируется следующим характерным примером. С развитием «общества услуг» в развитых западных странах было обнаружено падение доли занятых в сфере бытового обслуживания, что, разумеется, не означало снижения потребностей в этих услугах. Просто реализация возросших потребностей в бытовых услугах ушла во многом с товарного рынка в сферу домашнего хозяйства. Сначала прачечные освободили домохозяек от значительной части ручной стирки, произошло обобществление данного вида труда. Затем люди получили возможность купить качественные и относительно недорогие стиральные машины, и многие перестали обращаться в прачечную. Механизация услуг в домашнем хозяйстве способствовала их приватизации.

В крупных городах домашнее хозяйство становится все более атомарным, освобождаясь, по крайней мере, от части соседских и родственных связей. Одновременно на основе электронных средств коммуникации (домашние компьютеры, электронная почта, факсы и т.д.) домашнее хозяйство втягивается в новейшие информационные системы, осваивая «дальние» и «слабые» профессиональные связи. Для многих квалифицированных профессий вновь начинает стираться былое разделение

между домом и офисом, дом становится основным рабочим местом. Совершенствование системы коммуникаций сопряжено и с установлением новых форм контроля за хозяйственной деятельностью домашних хозяйств со стороны крупного капитала (в первую очередь, банков).

Однако в целом, несмотря на важные сдвиги в социальной структуре домашнего хозяйства, технологические изменения, возросшее давление индивидуалистических установок, относительное выравнивание гендерных ролей, домашнее хозяйство оказывается достаточно консервативным. Оно приспосабливается к изменениям, но сохраняет многие принципы хозяйствования.

Следует констатировать, что концепции домашнего хозяйства пока оказываются в роли «пасынков» экономической и социологической теории. Признание неоплачиваемой домашней занятости разновидностью труда, а домашнего хозяйства – формой производства вроде бы повысило их статус. Но в основе своей методологические подходы не слишком изменились: происходящее в домашнем хозяйстве по-прежнему считается продолжением закономерностей материального производства и рынка. Хотя в принципе столь же правомерно принять другую точку зрения: можно рассматривать рыночную занятость как продолжение политики домашнего хозяйства. В любом случае последнее становится живым свидетельством того, что сфера экономики простирается шире рыночного хозяйства. И это понуждает нас ограничивать влияние рыночной парадигмы. Не исчерпывает темы и привлечение парадигмы планового хозяйства.

Конечно, в свою очередь, не стоит преувеличивать и роль чисто социальных факторов, выводя все объяснения из культуры труда или особенностей национального менталитета, классовой принадлежности или структуры социальных связей. Вообще глупо было бы отвергать экономический подход, дающий, даже в своем традиционном виде, весьма ценные результаты. Но абсолютизация такого подхода тоже до добра не доводит. Существуют тонкие грани, преступая которые «экономический

империалист» рискует оказаться объектом насмешек. В самом деле, начинаешь чувствовать себя неловко, когда заходит речь о «качестве детей» (желаемых для родителей характеристиках) и их «скрытой цене» (материальных издержках на воспитание этих качеств); когда целесообразность вступления в брак измеряется экономией на приобретении потребительских услуг, которые теперь можно получить дома и бесплатно; когда встречаются утверждения, что брак, основанный на любви, «более продуктивен»; или что «спрос на детей зависит от относительной цены детей и полного дохода». В принципе в экономических терминах можно рассмотреть буквально все. Но на таком пути возникают преграды не только научного характера, связанные со степенью допустимой абстракции, но и барьеры этического свойства, проистекающие из ценностного самоопределения исследователя. Допустим, если тонут свой и чужой ребенок, а у тебя только один спасательный круг, кому его бросить? Экономическая схема в два счета подскажет, как рациональнее использовать «ограниченный ресурс». Можно далее порассуждать, с какой частотой люди последуют этому варианту в реальной жизни. Но ответ лежит в иной плоскости. Экономист просто не должен браться за эту «задачу». Все можно подвергнуть голой калькуляции, но не всегда стоит это делать, особенно если речь заходит о жизни людей или высших духовных ценностях.

Основными функциями домашнего хозяйства являются:

1. Репродуктивная (детородная) функция выражается в биологическом воспроизводстве населения, в удовлетворении потребности в личном бессмертии;
2. Функция социализации, или воспитательная функция – заключается в подготовке детей к полноценной жизни в обществе;
3. Рекреационная, или досуговая функция – обеспечение членам домохозяйства возможностей полноценного отдыха;

4. Эмоциональная функция, или функция духовного общения – создание возможности психологической реабилитации, обеспечение моральной поддержки членов домохозяйства;
5. Хозяйственно-бытовая функция – рациональное ведение домашнего производства, распределение экономических благ;
6. Функция воспроизводства человеческого капитала – обеспечение получения образования, инвестиции в здравоохранение, необходимые для реализации трудового потенциала.

ТЕМА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Первыми историческими формами домохозяйств являются родовая, а затем территориальная (соседская) общины.

Известно, что сам термин «экономика» означает в переводе с древнегреческого «искусство управления домашним хозяйством», «домоводство». Это объясняется тем, что в античной полисной организации общества домашнее хозяйство являлось основным субъектом экономики, в котором осуществлялась основная производственная деятельность. В состав домашнего хозяйства в этот период входит семья, а также принадлежащие ей рабы.

Феодальная организация общественных взаимосвязей предполагала отделение хозяйства помещика и крепостного крестьянина. В состав крупнейших домашних хозяйств дворян этого времени помимо собственно семьи входит многочисленная прислуга (лакеи, горничные, гувернантки, бонны и т.п.).

Особой организацией в данный период отличается домашнее хозяйство ремесленника, входящего в профессиональную гильдию. Домохозяйство цехового мастера включает его семью, а также подмастерьев и учеников. Подобная организация похожа на домохозяйство средневекового рыцаря, включавшее оруженосцев и пажей.

По принципу домашнего хозяйства были организованы и дворы монархов, включавшие, кроме семьи, придворных и прислугу.

Разновидностью домохозяйств можно считать и популярные в XIX - начале XX веков коммуны. Теоретически обоснованные в трудах социалистов – утопистов (в произведениях Ш.Фурье, в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?»), коммуны получили широкое распространение и на практике. В качестве примера можно привести «Новую гармонию» Р.Оуэна, «Артель художников» (коммуна художников в Петербурге в 1863 г.), «Знаменскую коммуну» (общеежитие в Петербурге на

кооперативных началах 1863-1864 гг.), «Киевскую коммуну» (общество революционеров-народников в Киеве 1873-1874 гг.), дом-коммуна художника В.В.Курдюмова в начале XX века в Москве, артистические колонии «Ля Рюш» («Улей») на Монпарнасе и Бато-Лавуар на Монмартре в Париже, коммуны хиппи (особенно в Амстердаме; в Австралии в 70-е гг. существовало около 600 подобных объединений. Например, в Знаменской коммуне проживали литератор В.А. Слепцов, его родственники Языков и Головачев, нигилистки М.Коптева, Е.Ценина, А.Г.Маркелова, княжна Е.А.Макулова. Каждый из членов коммуны имел свою собственную комнату, которую убирал сам; прислуга использовалась для стирки и приготовления пищи; общим был бюджет коммунаров. Однако, коммуна просуществовала недолго из-за нелепых слухов распускаемых обывателями: «в городе распространились слухи, будто образовалась новая секта под названием «коммуна» и культ этой секты – самая безнравственная разнузданность». Опыт деятельности знаменцев нашел отражение в романах В.В.Крестовского «Панургово стадо» и Н.С.Лескова «Некуда». По принципу домашних хозяйств организована экономическая деятельность монастырских братств, включающая совместное производство и потребление, общие денежные средства. Немало объединений в форме коммун создали и представители еретических, протестантских течений в христианской религии.

Маргинальными проявлениями домохозяйств можно считать объединения (шайки, банды) преступных элементов, а также нищих, часто организующих свою деятельность по принципу коммун.

Разновидностью домашнего хозяйства можно назвать также сельскохозяйственные коммуны начала 20-х годов XX века в России, организованные на основе совместного пользования средствами производства и уравнительного распределения. Домохозяйства зажиточных крестьян того времени включали помимо семьи кулака и наемных рабочих (батраков).

Основными критериями классификации домашних хозяйств являются следующие: численный состав домохозяйства; объем доходов; географическое расположение домохозяйства; тип населенного пункта, в котором оно расположено; экономическая активность членов домохозяйства.

По числу участников домашнего хозяйства можно выделить:

- Домохозяйство, состоящее из одного человека;
- Домохозяйство, состоящее из супружеской пары;
- Домохозяйство, состоящее из супружеской пары с детьми;
- Домохозяйство включающее, помимо членов семьи, наемных работников.

По географическому критерию можно выделить:

- Домохозяйства, расположенные в местности с определенным ландшафтом: в равнинной или в горной местности, в лесной зоне, в тундре, в пустыне и т.д.;
- Домохозяйства, расположенные в определенном регионе страны.

По типу населенного пункта, в котором расположено домохозяйство выделяют:

- Городское домохозяйство – отличается преобладанием оборотного потребительского капитала, минимальными объемами домашнего производства;
- Сельское домохозяйство – здесь больше основного потребительского капитала и максимальные объемы домашнего производства;
- Дачное домохозяйство – занимает промежуточное (между городским и сельским) относительно объемов домашнего производства и потребительского капитала.

По последнему критерию можно выделить также домохозяйства, расположенные в агломерации (конурбации) или в столице -они имеют специфические черты, отличающие их от обычных городских домохозяйств. Кроме этого домохозяйства, расположенные, например, в мегаполисе, можно классифицировать на:

- Расположенные в центре;
- Расположенные на окраине;
- Расположенные в пригороде или городе-спутнике.

По критерию экономической активности членов домохозяйства выделяются:

- домашние хозяйства, все члены которых заняты на производстве;
- домашние хозяйства в составе которых имеются работающие и иждивенцы.

ТЕМА 4. ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Не всякая хозяйственная активность домохозяйства классифицируется как домашний труд. Экономическая деятельность домохозяйства и домашняя экономика – нетождественные понятия. Экономическая активность домохозяйств вполне может иметь и рыночную природу в виде организованного или неформального предпринимательства и самозанятости. Это происходит в случае, когда в внутри домохозяйства осуществляется деятельность, нацеленная на получение дохода. Возможна и государственно-мобилизационная занятость домочадцев, если домохозяйство производит блага, предназначенные для изъятия в централизованный фонд плановой экономики. То обстоятельство, что блага созданы силами семьи, из собственного сырья, на собственных площадях и с помощью собственных средств производства, не придает труду статус домашнего и не возводит деятельность в ранг домашней экономики. И даже то, что труд не оплачивается, не является однозначным свидетельством его домашнего характера. Неоплачиваемый труд – понятие довольно широкое, включающее в себя помимо домашнего труда благотворительную деятельность, мобилизационную занятость (армия и пр.), производство благ для сетевого обмена дарами.

Домашний труд, и в этом его кардинальное отличие от рыночного и принудительного труда, нацелен на производство товаров и услуг исключительно для внутреннего потребления домочадцев. Понятие «домашняя работа» объединяет множество самых различных видов трудовой деятельности. Трудность состоит не столько в количественном разнообразии видов домашней работы, сколько в их качественной неоднородности. Одна часть работ нацелена на обслуживание взрослых членов домохозяйства, другая же сводится к уходу за детьми; соответственно, в первом случае осуществляется физическое воспроизводство членов домохозяйства, во втором – семья «воспроизводит» себя в новом поколении, тем самым

транслируя в будущее социальную структуру данного общества. Существует и чисто производственная составляющая домашнего труда (например, выращивание урожая). Также возможно разведение домашней работы в континууме «созидание – поддержание», поскольку одни виды домашней работы предполагают трансформацию приобретаемых продуктов и услуг в соответствие с запросами домочадцев, другие же нацелены на *сохранение* потребительских свойств тех благ, которыми располагает семья (ремонт, уборка, стирка и пр.) [Collins, 1990].

В рамках домашней экономики производятся блага, предназначенные не для рыночного обмена, а для самообеспечения членов домохозяйства. В той мере, в какой продукция домашнего хозяйства предназначена для рыночной реализации, домохозяйство функционирует в форме *мелкого товарного производства*. В той мере, в какой продукция домашнего труда предназначена для внутреннего потребления, домохозяйство соответствует канонам *домашней экономики*. И, наконец, создание в рамках домохозяйств благ для обмена на востановительной основе с другими домохозяйствами (обмен дарами) превращает домохозяйство в субъект *реципрокных отношений*. Эти оси (рыночная экономика – домашняя экономика – реципрокный обмен) создают методологическую основу для сравнения домохозяйств. Полезную информацию для социальной политики может дать сравнение распределения в этом пространстве домохозяйств, представляющих разные социальные страты общества.

Коль скоро пришли к некоторой ясности относительно понятия домашней экономики, то перед экономистами и социологами встала непростая задача *измерения домашнего труда*. В противном случае рассуждения могли остаться в русле обычных спекуляций, которыми порою грешит качественная социология. Как измерять домашний труд? Какие количественные оценки наиболее приемлемы? Как решить проблему микширования домашнего труда и досуга? Подобные методологические

вопросы вставали перед исследователями домашней экономики независимо от их теоретических предпочтений.

В первую очередь, необходимо разделить домашний труд и досуг. Каким критерием руководствоваться? Скажем, если женщина получает удовольствие от уборки или приготовления обеда, то может быть это вовсе и не труд, а своеобразная форма досуга?

По поводу разделения домашнего труда и досуговой деятельности пришли к следующей конвенциональной договоренности: домашняя деятельность причисляется к труду, если она может быть замещена рыночным аналогом, тогда как принципиальная невозможность такой замены свидетельствует о досуговом характере деятельности. Например, не имеет смысла нанимать человека, получающего вместо вас удовольствие от просмотра кино или делающего вместо вас зарядку. Хотя можно найти массу примеров, когда очевидность подобного разделения труда и досуга утрачивается. Скажем, трудом или досугом считать чтение книги ребенку или совместную с ним прогулку? Ведь удовольствие обоюдное, к тому же рыночное замещение вполне возможно в виде найма гувернантки. Как быть? На помощь пришла новая конвенция, то есть условились, что уход за детьми относится к трудовой нагрузке, тогда как занятия с детьми – к свободному времени, хотя рыночные аналоги отдельных видов занятия с детьми, безусловно, существуют.

Коль скоро удалось с какой-то мерой условности выделить область домашнего труда, следует определиться с алгоритмом его количественного учета. И здесь возникают новые проблемы: *что* измерять и *как* измерять. На первый вопрос возможны два различных ответа: измерять *затраты* (труда, капитала) или *результаты* (количество созданного продукта или оказанных услуг) домашней деятельности. Измерение *затрат* обычно ведут в *физических* единицах (как правило, это количество часов, затрачиваемых на домашнее хозяйство, или число людей, занятых домашним трудом на

условиях полной или частичной занятости), а *результаты* домашнего труда обычно фиксируются в *стоимостных* единицах.

Существует два принципиально различающихся подхода к *стоимостной* оценке домашнего труда.

1. Согласно методу *вмененных издержек* (или методу «рыночного эквивалента») стоимость неоплаченной домашней работы определяется как сумма, которую пришлось бы заплатить нанятому работнику за выполнение данной работы. То есть домашний труд оценивается на основе рыночной стоимости продукта домашнего труда.

2. Метод *альтернативных издержек* (или метод «теневого зарплат») определяет стоимость неоплачиваемой домашней работы как эквивалент суммы, которую член домохозяйства мог бы заработать за это время на рынке труда в соответствии со своей квалификацией. То есть домашний труд оценивается на основе «недополученного заработка» (opportunity cost approach).

Первый подход знает пять альтернативных способов реализации. Так, за рыночную стоимость продуктов домашнего труда принимают ответы на следующие вопросы:

- Сколько надо заплатить домработнице, полностью «ведущей» домашнее хозяйство? Речь идет об универсальной прислуге, выполняющей все виды домашнего труда.
- Сколько суммарно надо заплатить работникам, выполняющим различные виды домашних работ? То есть домашний труд разбивается на операции, которые выполняют разные работники. Оплату их труда складывают.
- Сколько надо заплатить квалифицированным работникам, которых надо привлечь для ведения домашнего хозяйства? То есть суммируется стоимость услуг профессиональных официантов, поваров, сантехников и пр.

- Какова рыночная заработная плата тех, кто выполняет деятельность, имеющую аналог в домашнем хозяйстве? То есть суммируется заработная плата официантки, повара, сантехника и пр.
- Какова рыночная заработная плата тех, кто выполняет работу, схожую с домашним трудом по уровню ответственности, условиям труда и прочим характеристика? То есть рассматриваются профессии, аналогичные домашнему труду не по характеру производимого продукта, а по характеристикам трудового процесса.

Второй подход к оцениванию домашнего труда – метод альтернативных издержек – основан на предположении о рациональном распределении времени между рыночной и домашней занятостью с целью максимизации благосостояния семьи. Следовательно, «потерянная заработная плата» представляет собой нижнюю границу стоимости домашнего труда. Но как ее определить? Существует четыре альтернативных ответа на этот вопрос. Так, в качестве «потерянной заработной платы» учитываются:

- средняя рыночная заработная плата в стране (в регионе). Но обычно домашний труд закрепляется за женщинами, а те зарабатывают на рынке меньше мужчин. То есть этот путь чреват переоценкой домашнего труда;
- средняя рыночная заработная плата женщин. В более продвинутой версии предполагается дифференциация заработной платы женщин разных возрастов и образовательных уровней;
- минимальная ставка почасовой оплаты труда в секторе оплачиваемой занятости. В основе лежит предположение, что домашний труд не требует какой либо квалификации, что довольно спорно;
- «потерянная заработная плата» рассчитывается на основе производственной функции домохозяйства с использованием панельных данных. При этом учитываются демографические характеристики, трудовой опыт, образование супругов.

Все эти подходы не лишены методических ограничений. В рамках первого подхода можно считать спорным измерение домашнего труда рыночными аналогами в ситуации, когда члены домохозяйства принципиально отвергают рыночную альтернативу из-за претензии к качеству или к уровню цен. Правомерность второго подхода еще более неочевидна, поскольку уровни производительности в домашнем и рыночном секторах могут быть абсолютно независимы. Весьма странно присваивать борщу, сваренному уборщицей и кандидатом наук, разную стоимостную оценку. Небесспорным является также полная «деквалификация» домашнего труда и его оценка по минимальной ставке рыночной почасовой оплаты.

Заметим, что вопрос выбора метода оценки домашнего труда носит принципиальный характер. Как верно заметил Дж. Гершуни, использование этих методов ведет к разным выводам о степени неравенства в обществе. Так, метод «рыночного эквивалента» приводит к заключению о том, что «полный доход» семей распределяется более равномерно, нежели рыночные доходы, поскольку разнодоходные группы практикуют примерно одинаковый объем домашнего труда. Метод же «теневого зарплат» усугубляет неравенство по доходам, поскольку высокодоходные группы являются носителями более высокой квалификации, что предполагает более высокий рыночный эквивалент стоимости часа домашнего труда.

Ввиду трудностей получения стоимостных оценок домашней экономики многие исследователи работают с *временными оценками*, то есть измеряют домашний труд не в рублях, а в часах. Универсальность этой мере придает то обстоятельство, что сутки каждого человека состоят из 1440 минут. Это верно для богатых и бедных, работающих и безработных, мужчин и женщин. Метод временных затрат не пытается перевести домашнюю экономику в формат стоимостного пространства, а остается верным универсальному измерителю всех видов человеческой деятельности – времени.

Учет *временных затрат* связан с рядом проблем:

- а) возможен «двойной счет», так как ряд домашних работ выполняется параллельно. Для снятия этой проблемы обычно выявляют «основную работу» и учитывают затраты времени только на нее;
- б) велики трудности получения информации, слишком много надежд возлагается на хорошую память респондента;
- в) возрастают требования к репрезентативности выборки, так как продолжительность домашнего труда разнится в городе и деревне, у разных возрастных и доходных групп.

Но несмотря на указанные трудности, подход временных затрат на сегодняшний день является наиболее распространенным. Он позволяет элиминировать сложность расчетов, не жертвуя при этом содержательной стороной. Реализуется этот подход как в форме *анкетного опроса*, так и посредством заполнения *бюджетов времени*.

Бюджет времени – это распределение всего фонда времени суток (недели, месяца и т.д.) на различные виды деятельности. Группировка видов деятельности обычно следующая:

- оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с нею;
- домашний труд и удовлетворение базовых потребностей;
- труд в ЛПХ;
- удовлетворение физиологических потребностей;
- свободное время.

Таким образом, социологи располагают различными подходами для количественной оценки домашнего труда – стоимостным и временным. Эти подходы воплощены во множестве методов, подкрепленных накопленным методическим багажом. Осталось за малым – воспользоваться этим богатством. Однако довольно долго социальные науки не проявляли особого интереса к домашней проблематике, на что были свои причины.

ТЕМА 5. Реципрокные взаимодействия

Не секрет сколь значима в нынешней российской ситуации спайка поколений, родственные связи, дружеское участие, соседский круг. Люди отдают недоношенные детские вещи, делятся избыточным урожаем, выделяют время для совместного труда, прощают долги, оказывают друг другу эмоциональную и информационную поддержку и пр. Сообщество устойчиво контактирующих субъектов формирует сеть, служащую мощным социальным амортизатором в ситуации атрофии иных механизмов поддержки. Взаимообмен дарами между членами социальной горизонтальной сети в современной западной социологии обозначается термином реципрокность (*reciprocity*).

В последнее время термин «реципрокность» используется все чаще и российскими социологами.

Сетевая взаимопомощь была «открыта» довольно давно. В изучении сетевого дарообмена можно выделить три традиции. Первая – *антропологическая* – акцентирует внимание на символическом смысле даров на примере традиционных обществ. Вторая традиция, получившая название *сетевого подхода* (*networks approach*), подчеркивает функциональное значение сетей как структурной основы разнообразных социальных процессов. Третий подход, представленный *исторической социологией*, акцентирует внимание на исторической обусловленности сетевой взаимопомощи, ее укорененности в традициях общества и экономической культуре.

В рамках антропологического подхода обмен дарами трактуется как *символический обмен*, противостоящий обмену экономическому, при котором предмет выступает как «товарное тело». Если интерес экономики вызывает *трудовая практика*, то достоянием антропологического знания становится *символическая деятельность*. Начало классической антропологии было положено в исследованиях традиционных обществ. Так, знаменитый «Очерк

о даре» М. Мосса написан на основе анализа квазисемейных социальных образований – племен, фратрий, кланов. Статус вещи как товара или дара, а также их симбиозные формы всецело зависят от ситуации, обрядовой структуры, ритуальных действий, маркирующих ситуацию как «куплю-продажу» или «дарение». Вне ситуативного контекста нет ни товара, ни дара, ни дани. Подарок – это не вещь, а ситуация, вплетенная в социальные отношения, элементом которой является акт дарения.

В первобытных обществах исследователи видели многообразие форм и функций даров, отчетливую персонификацию символической власти в лице тех, кто трактовал и интерпретировал смысл символа (жрецы, шаманы и пр.). Прimitивные общества самим фактом своего существования заставляли усомниться в единственности и всеобъемлющем характере товарной природы вещей. В обществах, живущих на грани выживания, распространена поддержка «слабого звена» силами всей сети.

Изучение сетей в многообразии их функций и способов функционирования составляет суть сетевого подхода. В отличие от антропологической традиции представители сетевого подхода не пытаются декодировать смысл дара. У них иная задача – интерпретировать сетевые структуры и их роль в реальных практиках, будь то поиск работы, выбор партнеров по бизнесу, обустройство иммигрантов, или формирование интеллектуальной элиты. Начало сетевому анализу было положено в работах Х. Уайта и его ученика М. Грановеттера, который показал роль сетей в функционировании рынка труда. Сетевой подход в современном его состоянии представлен несколькими, довольно различающимися направлениями. Однако при всем богатстве позиций и несхожести суждений, представителей этого подхода объединяет взгляд на сети как основной структурный элемент современного мира.

Как с позиции сетевого анализа соотносятся понятия «сеть» и «реципрокность»? *Сеть – структурная основа, реципрокность – характер связи.* Реципрокность далеко не единственный тип отношений, возможный в

сетевой структуре. Так, предпринимательские сети и административные связи не являются структурной основой реципрокности, поскольку в их основе лежат вполне прагматичные мотивы, сводящиеся к максимизации прибыли в системе рынка или минимизации ресурсного дефицита в системе плана. Т.е. сети могут быть скрытым структурным элементом функционирования плановой или рыночной экономики. Однако все меняется, когда сети состоят из домохозяйств, состоящих в родственных или дружеских связях. Взаимообмен дарами между такими домохозяйствами направлен на поддержку сетевого сообщества в целом, даже за счет потерь для отдельных членов. Равенство положения участников такой сети позволяет называть такие сети симметричными. Под асимметричными связями понимаются отношения типа патрон-клиент, скрепляемые преданностью и подношениями. Симметричность сети задает характер отношений внутри нее – реципрокность как обмен дарами на нерыночной основе. Реципрокность – обмен дарами на нерыночной основе. Но бесплатность эта весьма лукавая. Ведь в ответ ожидается встречная помощь, по крайней мере, появляется моральное право на ее ожидание. Сроки ответного дара, как правило, не оговариваются, а форма ответного хода почти всегда произвольна. Блага, курсирующие по сетям межсемейной поддержки, не приобретают форму *товара*, а вступают в мир обмена в статусе *дара*, образуя иную реальность – так называемую экономику дара. Соответственно, суть обмена существенно трансформируется. Если товары предполагают *рыночный обмен*, то дары формируют сеть *реципрокности*. Противопоставление реципрокности рыночному обмену прочно укоренен в социологической литературе

При всей «нерыночности» реципрокных взаимодействий было бы чрезмерно отрицать незримую калькуляцию сетевых трансфертов, учет отданного и полученного. Такая калькуляция, безусловно, существенно отличается от рыночной, поскольку учитывает обстоятельства жизни и социально-демографические характеристики обменивающихся. Но сам факт

взаиморасчетов, пусть и использующих «нерыночные» поправочные коэффициенты, говорит о том, что реципрокность, являясь своеобразной антитезой рынка, не переходит в разряд альтруизма. Реципрокный обмен мотивирован комбинацией двух противоположных принципов: альтруизма и рынка, поскольку, с одной стороны, не предполагает выгоду, а с другой стороны, пытается соблюсти некоторый баланс интересов.

Обмен услугами или продуктами, не приобретающими форму товара, поддерживает сообщество, придавая ему устойчивость и жизнестойкость. Реципрокность как тип социальной интеграции противостоит и рынку, и плану, представляя собой экономику иного целеполагания – субстантивную экономику, регулируемую традициями и обычаями и направленную на выживание сообщества как целого.

Почему же домохозяйства вступают в бесконечные дары-отдаривания? Что дает им принадлежность к сети? Основными функциями межсемейного обмена дарами являются:

- экономическая взаимопомощь, кооперация усилий и средств,
- создание системы неформального кредитования,
- установление стабильных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных,
- подтверждение социального статуса семьи,
- моральная поддержка в рамках сети, скорая психологическая помощь,
- трансляция этических ценностей, религиозных и этнических традиций.

Для лучшего понимания сущности и функций реципрокности сравним этот тип социальных отношений с товарным обменом.

Реципрокные взаимодействия строятся на принципиально иных основаниях, нежели товарный обмен, что определяет социально-экономическое отличие дара от товара. Перечислим наиболее существенные различия.

Реципрокный обмен происходит в форме одаривания, а не продажи,

что однако не означает альтруистической готовности ничего не получить в ответ. И хотя сроки «отдара» не оговариваются, и взаимность достигается только в долгосрочном периоде, каждый участник реципрокных отношений понимает необходимость ответного жеста. *Принципу товарного обращения «товар-деньги-товар» противостоит идея пролонгированной возвратности и взаимности даров.*

В отличие от товарного обмена реципрокность предполагает контакт лично знакомых субъектов. Продажа товара возможна как одноразовая сделка незнакомых партнеров, но обмен дарами предполагает стабильность контактов. Товарный обмен - воплощение абстрактности отношений, их универсальности, тогда как обмен дарами – это всегда конкретные отношения, предполагающие партикуляризм их реализации. *Обезличенной одноразовой сделке «купил-продал» противостоит стабильность отношений «отдал-получил».*

Субъекты дарообмена выбираются из числа родственников и друзей на основе не объяснимых с экономической точки зрения предпочтений, симпатий и антипатий. Сеть строится на системе предпочтений внеэкономического характера, тогда как сущность товарного обмена заключена в универсальности отношений анонимных контрагентов. *Регуляторами реципрокных отношений выступают культурные нормы, а не обезличенные законы рынка.*

Реципрокность, в отличие от товарного обмена, не преследует цели максимизации прибыли. Смысл этого типа социальных отношений состоит в защите близких людей от внешней среды, противостоянии неблагоприятным обстоятельствам общими силами, выравнивании жизненных шансов участников сети. Дарение носит бескорыстный, а продажа – корыстный характер. *Товарный обмен позволяет обогащаться в одиночку, тогда как дарообмен помогает выживать сообща.*

Реципрокность накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной,

вплоть до почтительного отношения к дарителю. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходя за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. При обмене же товарами всегда жестко проговариваются условия сделки, выторговывается режим благоприятствования для себя в ущерб контрагенту, что вовсе не обязательно предполагает общность культурного пространства участников сделки. *Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста.*

Реципрокность и товарный обмен строятся на принципиально различном отношении к понятию «риск». Экономика дара нацелена на минимизацию риска путем его перераспределения между участниками сети. Страхование риска совокупными ресурсами участников сети является скрытым мотивом реципрокных взаимодействий, лозунг которых: «Безопасность - прежде всего». Товарный обмен и логично вытекающий из него принцип максимизации прибыли, наоборот, используют рискованные ситуации в качестве прорывных, позволяющих изменить диспозицию сил рыночного сообщества. В экономике дара риск означает опасность, а в товарном пространстве риск таит в себе и опасность, и соблазнительную возможность. *Дары делают жизненное пространство индивида менее рискованным, тогда как товарный обмен предполагает риск как элемент конкурентной среды.*

Обязательства сторон сделки могут нарушаться как при реципрокных отношениях, так и при рыночном обмене. Нарушителей рыночной дисциплины называют необязательными, а игнорирующих нормы реципрокности неблагодарными. Но механизм страхования от подобных ситуаций принципиально различен. Рыночные сделки страхуются формальными санкциями или неформальными силовыми методами. Нарушение неписаных норм поведения в экономике дара карается лишением

доверия, что означает исключение провинившегося из сети реципрокных взаимодействий. Стимулом участия в дарообмене становится обретение репутации как формы социального капитала. *Принуждение к исполнению обязательств реципрокности строится на угрозе социальной изоляции, а при товарном обмене – на материальных и зачастую формальных санкциях.*

Значимость дара определяется его субъективной ценностью для одариваемого. Она не зависит напрямую от рыночной стоимости предмета дара, а сводится к представлениям о полезности полученного блага. Реципрокные отношения не строятся на стоимостной эквивалентности обмена, тем самым релятивизируя рынок как ценность или, по крайней мере, отказывая ему в доминировании над такими категориями как родство, солидарность, взаимопомощь, опека и пр. *Эквивалентный обмен товарными стоимостями замещается паритетным обменом ценностями, или представлениями о полезности даров.*

В обмене дарами люди первичны, а дары – вторичны, поскольку дарообмен зависит от отношений обменивающихся, возникающих между ними коллизиях, соотношения их статусов, социально-демографических характеристик и пр. В товарном обмене, наоборот, обмениваемые блага задают отношения обменивающихся, то есть вещи доминируют над людьми. Рыночный обмен устанавливает отношения между объектами обмена, обмен дарами - между субъектами одаривания. *Реципрокные отношения удерживают в фокусе обменивающихся, а рыночные отношения – обмениваемое.*

Деньги присутствуют и в реципрокности, и в товарном обмене. Но реципрокность, не претендующая на стоимостной эквивалент обмена, использует деньги в качестве предмета дара или заемного средства, а не расчетного инструмента. Денежные дары являются индикатором близости членов домохозяйственных сетей, поскольку деньги опосредуют обмен *между* системами, тогда как *внутри* систем домохозяйств деньги превращаются в дар. Фактически денежная оплата товаров и услуг фиксирует

границу, за которой заканчивается мир наиболее близких отношений привязанности. *Реципрокность отказывает деньгам в опосредующей роли, выполняемой при товарном обмене, и превращает их в дар, возможный и допустимый только в отношении наиболее близких людей.*

Реципрокность предполагает рутинизацию и ритуализацию дарообмена. На уровне традиций прописаны формы благодарности и диапазон допустимых просьб. Следование традициям – самый верный путь укрепления положения участника экономики дара. Товарная же экономика отводит верхние этажи своего мира для тех, кто решился на инновацию. Рыночный лидер – тот, кто выдвинулся за черту доступного всем поведения и при этом экономически преуспел. *Экономика дара нацелена на стабильность, часто ценой сокращения среднего дохода ее участников, а товарный обмен предполагает инновационный прорыв как попытку наиболее предприимчивых максимизировать прибыль.*

В реципрокных отношениях обмен выполняет роль символа «доброй воли» и намерения упрочить отношения, то есть служит формой поддержания социальной включенности. Товарный же обмен основан на экономической целесообразности, в нем превалирует идея продуктовой оптимизации. *Дарообмен – инструмент приращения социального капитала, а товарообмен – экономического.*

Итак, есть все основания различать дар и товар, а реципрокность отделять от товарного обмена. Впрочем, и на обыденном уровне вряд ли кто спутает эти понятия. Но реципрокные отношения имеют альтернативу не только в форме товарного обмена. Более тонкая и трудно формулируемая грань отделяет дары от дани, а реципрокность от патрон-клиентских отношений. Далеко не очевидно, чем отличается подарок соседу от подарка начальнику, но интуитивно все ощущают эти различия. Зависимое положение подчиненных придает такому дару принципиально новые характеристики, позволяющие маркировать его как дань.

Реципрокность отличается от патрон-клиентских отношений. Что же такое «патрон-клиентские» отношения? Это устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии. Патрон опекает клиента за счет находящихся в его распоряжении ресурсов, собирая ответную дань в форме благодарности за опеку. Основу для патрон-клиентских взаимоотношений составляет обмен между действующими лицами, обладающими неравной властью и статусами: патрон, ведущий и более могущественный участник этих взаимоотношений, предлагает свою защиту и обеспечивает доступ к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям) менее могущественным участникам – зависящим от него клиентам. Клиенты, в свою очередь, обеспечивают поддержку патрону и предоставляют ему разного рода ценности и услуги, которые называются «данью».

За примерами далеко ходить не надо. Такие отношения могут возникнуть в любой формальной или неформальной организации при условии ее иерархического строения. Скажем, руководитель может мобилизовать охранно-пропускную службу и тем самым прекратить поток «несунов». Но, не пресекая, а «патронируя» эту практику, он получает лояльность работников к собственной неэффективной деятельности, их готовность работать при долговременных неплатежах заработной платы и игнорировании норм техники безопасности. За примерами подобных отношений далеко ходить не надо. Родители соревнуются в подарках учителям в надежде на повышенную опеку их чад. Получившие госзаказ директора предприятий не забывают сделать «откат», то есть часть средств отдать тому, кто посодействовал в подписании контракта. Иначе этот заказ будет последним в истории предприятия. Рабочие в выходной день просто из любви к свежему воздуху трудятся на даче у шефа. Правда, им потом предоставляют лучшие условия труда, чем отказавшимся от таких отработок. Внешне происходит добровольный обмен ресурсами, минуя товарный обмен.

Никто никому ничего не продает. Никто никого ни к чему не принуждает. Движение благ происходит исключительно на добровольной основе. И никакие формальные претензии в случае отклонения от участия в этих практиках не предусмотрены. Родители вправе отказаться от «добровольных взносов», директора могут сделать вид, что не знают про систему «откатов», рабочие имеют возможность уклониться от дачных субботников. Но ни те, ни другие не нарушат заведенного порядка. Все понимают, что эта добровольность весьма иллюзорная.

Участники взаимодействий вовлечены в своеобразную *«диалектику контроля»*: зависимая сторона обладает определенными ресурсами, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющих. При этом контроль со стороны подчиненного актора осуществляется иным типом ресурсов, отличным от того, который используется для осуществления доминирования в отношении него. Клиентелистские сети пронизывают распределительные механизмы широкого профиля - от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий.

Иерархия создает систему зависимости элементов на основе неравного доступа к ресурсам организации. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов. Внешне добровольный обмен иерархично организованных субъектов не порождает отношения реципрокности, а обмениваемые ресурсы не превращаются в дары. Скорее, происходит мимикрия под отношения реципрокности за счет соблюдения внешних атрибутов одаривания. На деле же ресурсы курсируют в форме дани, которую «патрон» собирает со свои «клиентов», отвечая более полным учетом их интересов в ходе распределения курируемых им ресурсов. Симметричность сети делает принципиально возможным чередование ролей донора и реципиента в отличие от жестко закрепленных ролей патрона и клиента в

несимметричных, иерархических структурах. Отличия реципрокности от патрон-клиентизма сводятся, таким образом, к следующему:

Элемент принуждения присутствует и в реципрокном обмене, и в патрон-клиентистских отношениях. Но речь идет о разной природе принуждения. Реципрокность строится на подчинении людей социальным нормам, усвоенным в ходе социализации, и в этом смысле принуждение едва ли рефлексируется. Отношения же патрона и клиента не добровольны в результате их иерархической диспозиции, отмеряющей степень зависимости субъектов и диапазон пригодных к обмену благ. Принуждение в этом случае носит управленческо-организационную природу и прекрасно осознается участниками сети. *Дары, порождаемые социальными нормами, противостоят дани, порождаемой организационной иерархией.*

В реципрокных отношениях велика мера неопределенности формы даров и времени ответных действий. И даже несвоевременные и невостребованные подарки принимаются с благодарностью в силу выполняемой ими символической функции. Патрон-клиентские отношения более нормированы. Форма и сроки взаимных услуг патрона и клиента если и не оговариваются, то четко осознаются. Говорят, что дареному коню в зубы не смотрят, но зубы коня, выступающего в качестве дани, проверяются очень тщательно. *Неопределенности форм и сроков реципрокных взаимодействий противостоит прогнозируемость контактов клиентелистских сетей.*

Реципрокность укоренена в неформальных нормах и обязательствах, которые слабо связаны с формальными институтами. Патрон-клиентские отношения, напротив, существуют как неформальная коррекция формальных правил и испытывают от них сильную зависимость. Скажем, если виза санэпидемстанции перестанет входить в пакет обязательных документов при открытии ряда фирм, то поток дани предпринимателей представителям СЭС прекратится. Побудительный мотив дани укоренен в формальных нормах диалога патрона и клиента. *Реципрокность существует как нерегулируемая*

формальными институтами реальность, а патрон-клиентизм как изнаночная сторона формального порядка.

Реципрокный обмен демонстрирует высокую автономность от реформирования формальных институтов, поскольку укоренен в реальности другого порядка. Патрон-клиентизм, наоборот, крайне чувствителен к переопределению формальных рамок, поскольку за этим стоят изменения принципов иерархии, критериев доступа к ресурсам и объема распределительных полномочий. *Сети реципрокной поддержки более инерционны и менее зависимы от изменений формального порядка, чем патрон-клиентские отношения.*

Реципрокные отношения глубоко персонифицированы, обмен дарами строится на лично окрашенных отношениях дружбы, родства, соседства. Напротив, отношения патрона и клиента представляют собой неформальные договоренности в рамках выполняемых индивидами функциональных ролей. *Возможность сбора дани зависит от диапазона функциональных возможностей патрона, а возможность получать дары зависит от личного расположения окружающих.*

Реципрокность нуждается в симметричной сетевой структуре, а патрон-клиентские отношения предполагают иерархию. Симметрия связывает воедино разнокачественных, но горизонтально расположенных субъектов обмена. Это могут быть родственники, соседи, друзья, коллеги, статусные и материальные различия которых не дают оснований одним диктовать волю другим. Патрон-клиентизм держится на вертикальной упорядоченности субъектов, что определяет их неравный доступ к ресурсам как основу отношений зависимости. *Горизонтальное движение даров противостоит вертикальным каналам дани.*

Горизонтальная сеть делает принципиально возможным ситуативный кругооборот ролей донора и реципиента. Субъекты взаимодействия поочередно оказываются донором и реципиентом друг для друга в различных ситуациях. Иерархия же жестко закрепляет роли патрона и клиента в

зависимости от позиции в вертикально упорядоченной структуре. Один и тот же субъект может быть и патроном и клиентом, но для разных уровней клиентелистской сети. *Чередование ролей донора и реципиента в горизонтальных сетях противостоит жесткому закреплению ролей патрона и клиента в вертикальной иерархии.*

Реципрокность и патрон-клиентизм используют разного рода капиталы. Горизонтальные социальные связи, лежащие в основе реципрокности, формируют капитал социальный в виде возможности доверять окружению и использовать его поддержку. Вертикальные связи как основа патрон-клиентизма формируют капитал административный, связанный со способностью одних хозяйственных агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других агентов. И хотя капиталы способны взаимопревращаться, различие между ними очевидно. *Реципрокные взаимодействия демонстрируют возможности обладания социальным капиталом, а патрон-клиентизм - преимущества обладания административным капиталом.*

Отношения реципрокности не вызывают идеологического порицания, равно как и восхваления. Идеологические доктрины нейтральны к экономике дара. Клиентелистские сети, напротив, в разных идеологических координатах становятся либо мишенью для критики, либо объявляются панацеей, сохраняющей целостность системы за счет придания ей гибкости. *Реципрокные отношения находятся вне идеологического дискурса, а патрон-клиентские отношения внутри него.*

Итак, экономика дара создает особую, отличную и от товарного обмена, и от патрон-клиентизма структуру отношений. Соответственно меняется и номенклатура ролей: *товарный обмен предполагает диалог покупателя и продавца, клиентелистские сети вводят в игру патрона и клиента, а реципрокные взаимодействия - суть отношений донора и реципиента.* Другими словами, благо может быть товаром, даром или данью в зависимости от того, в какую структуру отношений встроено. *Дар -*

атрибут реципрокности, товар – участник товарного обмена, а дань – основа отношений «патрон-клиент». Дарообмен – лежит в сфере неформальной экономики, то есть является экономической деятельностью, не подкрепленной формальными обязательствами сторон и формальными санкциями за их нарушение. Совокупность субъектов, обменивающихся дарами, формирует *сеть*, взаимодействие внутри которой регулируется нормами, ценностями, обычаями, разделяемыми участниками сети. Основное из вышесказанного можно свести к таблице:

Сравнение реципрокности с товарообменом и патрон-клиентизмом

	<i>Товарообмен</i>	<i>Патрон-клиентизм</i>	<i>Реципрокность</i>
Статус блага	Товар	Дань	Дар
Статус контрагентов	Покупатель и продавец	Патрон и клиент	Даритель и одариваемый (донор и реципиент)
Структурная основа	Деперсонифицированные контакты	Вертикальные сети	Горизонтальные сети
Цель	Максимизация прибыли	Получение дополнительных выгод от позиции в иерархии	Выживание сообщества
Базовое условие	Разделение труда в обществе	Дифференциация властных и статусных позиций	Дифференциация ресурсных возможностей домохозяйств
Капитал	Экономический	Административный	Социальный
Природа принуждения	Экономическая	Организационно-управленческая	Социальная
Механизм принуждения	Формальные санкции и неформальные силовые методы	Отлучение от неформальных каналов доступа к ресурсам иерархии	Лишение доверия, социальная изоляция
Основной принцип	Эквивалентность сделки	Легитимность опеки	Взаимность даров

В реальности ни товарного обмена, ни реципрокности, ни патрон-клиентизма в чистом виде нет. Все выделенные нами типы отношений

существуют в измененном, скорректированном виде, переплетаясь и рождая многообразны гибриды. Так, рынок прочно погружен в сетевые структуры, и было бы наивно отрицать глубокую персонифицированность предпринимательских контактов. «Мутируют» и патрон-клиентские отношения, приобретая форму прямых покупок должностных лиц. И даже относительно реципрокности закрадываются сомнения в отсутствии меркантильности в обменах участников сети. По крайней мере, некая калькуляция получаемого и отдаваемого очевидно присутствует, равно как и стремление к некоему балансу, что является подобием эквивалентного рынка. И зачастую трудно провести грань, где заканчивается выживание сообща и начинается оттягивание ресурсов сообщества во имя индивидуального процветания. Однако в аналитических целях обедненные конструкты вполне работают. Идеальные представления о рыночном обмене и патрон-клиентизме позволяют выявить специфику реципрокности как системы взаимопомощи участников горизонтальной сети.

В эмпирических исследованиях гипотезы, проясняющие характер сетевых взаимодействий домохозяйств, разделяются на две группы. Первая группа гипотез восходит к общему характеру сети, особенностям ее функционирования как единого целого. Вторая посвящена положению отдельных участников сети. Иначе говоря, нам предстоит ответить на вопросы о том, как работает сеть и какова при этом роль ее отдельных членов.

Гипотезы общесетевого характера. Гипотеза “парной симметричности”. Семья равное число раз оказывается в роли дарителя и одариваемого в каждой паре взаимодействий . Люди могут не иметь возможности обмениваться подарками равной стоимости , но пытаются на каждый подарок отвечать ответным даром. При этом форма дара роли не играет.

С точки зрения обыденной логики эта гипотеза вполне оправдана (иначе ее можно назвать гипотезой “ответного хода”). Действительно, не так

важно, деньги нам дали, помогли с ремонтом или поделились урожаем, — в ответ принято благодарить, и не только на уровне “спасибо”. При этом никто не ожидает точного стоимостного соответствия обмениваемых благ. Но можно ожидать соответствия числа входных и выходных трансфертов в каждой паре взаимодействий. Скажем, если вас угостили чем-то соседи, то они вправе ждать ответного хода пусть это будет ваша готовность посидеть с их ребенком, или возможность занять у вас деньги. Не важно, что, угостив на рубль, они попробуют забить у вас ребенка на выходные, но важно, что их любезность порождает ответное действие. Каждый дар порождает ответный ход в каждой паре взаимодействий, при этом стоимость и форма дара роли не играют — в этом суть данной гипотезы. Если это так, то в течение года семья примерно равное число раз получает нечто от участника сети и отдает ему. Данные эмпирических исследований опровергают гипотезу о соответствии количества входящих и исходящих потоков в каждой паре взаимодействия. В реципрокных обменах нет ритма маятника, нет парной симметрии количества даровых итераций. Разнонаправленные потоки, как правило, не совпадают по плотности. Роль дарителя может повторяться в несколько раз чаще, чем роль принимающего блага, и наоборот.

Гипотеза “круговой симметричности”. Пусть в каждой конкретной паре взаимодействия нет соответствия плотности встречных потоков, но в совокупном сетевом обмене семья примерно равное число раз играет роль донора и реципиента.

Как оказалось в результате эмпирической проверки, семьи имеют узкую специализацию: они преимущественно либо одаривают, либо одариваемы. Напомним, что речь идет только о числе трансфертов без учета их стоимости. Одни семьи чаще говорят “спасибо”, другие чаще практикуют ответ “на здоровье”.

Гипотеза “парной стоимостной эквивалентности”. В рамках данной гипотезы предполагается, что в отношениях с каждым контрагентом

соблюдается примерное соответствие стоимости обмениваемых благ , т. е. интенсивность исходящих и входящих потоков совпадает. Однако гипотеза о парной стоимостной симметричности обмениваемых благ с каждым участником сети оказалась опровергнута. Люди обмениваются с друзьями и родственниками, позволяя себе многократное несоответствие стоимости встречных потоков, не говоря уже о возможности промолчать в ответ . Однако эта ситуация не ввергает сети в раздоры и тяжбы, поскольку соответствует принятым нормам . Впрочем, подобное несоответствие обмениваемых благ более гладко проходит в отношениях с родственниками. Чужие люди зачастую реагируют на свою неспособность адекватно отблагодарить довольно болезненно, как на бытовой маркер социальной демаркации.

Гипотеза “совокупной стоимостной эквивалентности ”. Семья в течение года отдает благ примерно на ту же сумму, что и получает от всех участников сети. И эта гипотеза оказалась несостоятельной. Большинство семей, не пытаются соблюсти паритет получаемой и отдаваемой стоимости, легко выходя за границы двойного несоответствия. Стоимостные оценки совокупных входных и выходных потоков , как правило, не равны. При этом сельские семьи по совокупности сетевых контактов с равной вероятностью выступают в роли донора и реципиента, тогда как городские семьи, участвующие в исследовании, предпочитают роль реципиента, получая значительно больше, чем отдавая. Другими словами, семьи, выступая для кого-то донором, а для кого-то реципиентом, в целом не выходят на “ничью”.

Гипотеза “трудовой компенсации”. Трудовые трансферты компенсируют неэквивалентность продуктовых и денежных обменов, т. е. семьи-доноры стоимостных трансфертов обязательно будут реципиентами трансфертов трудовых . И наоборот, семьи, которые продуктами и деньгами получают больше, чем отдают, неизбежно будут “гасить” свои долги, трудясь на благо ближних. Но, к сожалению, и эта гипотеза не оправдалась. В половине сельских и подавляющем большинстве городских семей трудовые

трансферты не сглаживают, а усугубляют неэквивалентность продуктовых и денежных трансфертов. Представления, что трудовой энтузиазм “гасит” продуктовую зависимость, не имеют под собой оснований : привыкшие брать, берут многопланово, а привыкшие одаривать, делают это в том числе с помощью труда.

Гипотеза “сезонных колебаний”. В силу того, что жизнь сельских семей теснее чем городских связана с природными условиями , предполагается, что обмен дарами на селе менее однороден во времени и имеет подъем в летне-осеннюю пору. Данные полностью соответствуют данной гипотезе . Действительно, обмены дарами на селе происходит чаще летом и осенью, чем весной и зимой. В городе же сезонные колебания обменной активности менее заметны. Плотность трансфертов едва ли несет на себе печать природных условий . Сети поддерживают выработанный в них ритм взаимодействий без учета климатических факторов . Более того, максимальное количество городских трансфертов приходится именно на зимние месяцы, когда сельские сети успокаиваются и относительно замирают . Видимо, причина этого роста числа в данный период объясняется обилием праздников (Новый год, Рождество, День защитника отечества), которые отмечают и по старому, и по новому календарю, и по католическому, и по православному обычаю. Поэтому город именно зимой вступает в пик заполнения холодильников и прочих мест концентрации благосостояния коллективными усилиями родственников и друзей . На селе же одаривание становится более редким ввиду ресурсных ограничений, имеющих сезонную природу.

Продуктовые дары и помощь трудом имеют явную летне-осеннюю привязку, но денежные дары этой закономерности не подчинены. Таким образом, если и говорить о сезонных колебаниях межсемейного обмена, то, во-первых, в их продуктивном и трудовом вариантах, но никак не в денежном. Во-вторых, село (в полном соответствии с гипотезой) активизируется летом и осенью как по плотности обменных актов , так и по

их интенсивности . Зимой и весной на селе наступает относительный обменный штиль . Город же по частоте даров не имеет явно выраженных сезонных предпочтений . Что же касается их объема, то трудовая помощь горожан концентрируется в летние месяцы , а продуктовая — в осенне-зимние.

Гипотеза “продукты — деньги — труд”. Сельские сети более тяготеют к продуктовым и трудовым трансфертам, а городские — к денежным. Это проявляется в соотношении как количества подобных даров, так и стоимости продуктовых и денежных трансфертов или же продолжительности трудовой помощи. В результате денежные трансферты в сельских сетях сопоставимы с городскими сетями по плотности , но не сопоставимы по интенсивности. Село практикует скромные денежные и обильные продуктовые передачи, город — скромные продуктовые и щедрые денежные дары, хотя доли подобных трансфертов в городских и сельских взаимодействиях почти равны .

Гипотеза “материально-возрастной детерминации”. Возраст супругов и материальное положение семьи определяют ее место в континууме “реципиент—донор”. Молодые семьи оказываются чаще реципиентами, а состоятельные семьи — донорами сетевого общения. Гипотеза не опровергается. Действительно, в средней и старшей возрастной группах как в городе, так и на селе происходит движение от реципиентства донорству по мере улучшения материального положения семьи (движение по строке). Сеть выступает перераспределительной базой, выравнивающей жизненные возможности участников сети. Семья получает помощь более зажиточных и помогает менее обеспеченным. В свою очередь, в одной материальной нише усиливается донорство по мере взросления супругов. Старшие опекают младших. Причем городские молодые семьи являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения, т. е. представление, что молодым надо помогать, существует даже тогда, когда

экономическое положение семей диктует противоположную направленность потоков. В городе крайне сильны установки на заботу о “молодых”, даже если они опрокидывают любые калькулируемые основания. Другим ресурсным благом, которым владеет старшее поколение, является свободное время, что выливается в заботу о внуках. Внуки, оставленные у дедушек и бабушек, позволяют родителям экономить на путевках в лагеря, на оплате услуг нянечек, а также на продуктах питания, так как вопрос о компенсации затрат в связи с пребыванием внуков, как правило, не ставится. На селе же отношения к молодым более приближены к экономической логике. Если материальное положение молодых семей позволяет, то они, несмотря на молодость, становятся донорами своего социального круга, т. е. их положение менее канонизировано, они не являются той “священной коровой”, которой приносят себя в жертву остальные участники сети. Молодость не является безусловным основанием получения помощи, что отчетливо прослеживается в городе.

Гипотезы ролевой дифференциации участников сети. Гипотеза “женского лобби”. Главным распорядителем семейных ресурсов, как правило, выступает жена, что определяет более интенсивный и плотный обмен с ее родителями, чем с родителями мужа. Действительно, родители супругов находятся в существенно разном положении с точки зрения предназначенных для них и полученных от них благ. Такое неравное внимание к родителям мужа и жены связано с внутрисемейным распределением контроля за ресурсами семьи. Даже в семьях, где стратегические вопросы решает исключительно муж, продуктовыми запасами, а зачастую и денежными накоплениями ведает жена. На подарки своих родителей жена реагирует бодрее, чем на подарки родителей мужа. В результате с родителями жены обмен продуктов и денег более плотный, а объем передаваемых ресурсов более впечатляющий. Физическая сила — единственным ресурс, который чаще контролирует муж, чем жена. Этот ресурс востребован в виде трудовых трансфертов на селе. Трудовая помощь

городских домохозяйств менее опирается на физическую силу. Как результат, помощь трудом на селе оказывается родителям мужа пусть и более скромная, но все же сопоставимая с помощью родителям жены. В городе же контроль женщин за трудовым ресурсом возрастает и диспропорция в помощи родителям увеличивается.

Гипотеза “бабушкиной заботы”. Подарки бабушек внукам не сопровождаются ответными дарами, что изначально считается нормальным. Помощь внукам как по количеству итераций, так и по стоимости передаваемых благ являются несимметричными, что считается допустимым и нормальным. Действительно, внуки не имеют обыкновения возвращать старикам ответные блага. По крайней мере, сами внуки этого не делают, за них это делают родители или никто не делает. Причем это не вызывает протеста у стариков, так как те изначально предполагают несимметричность отношений. Смысл такой помощи — утверждение в собственных глазах и в глазах окружающих своей нужности, полезности.

Гипотеза “сетевого дарения и кредитования”. Сеть выступает источником безвозмездных дотаций и заемных кредитов. В безвозмездных денежных трансфертах лидируют родственные связи — дарованные суммы тем больше, чем ближе родственная дистанция. В отношениях займов иная логика. У родителей одалживают реже и меньше, чем у прочих родственников, которые, в свою очередь, уступают знакомым вне родственных связей (соседям, коллегам, друзьям).

Гипотеза “силы родственных связей”. Предполагается, что чем ближе степень родства, тем чаще осуществляется обмен дарами и тем весомее их величина. Соответственно наиболее плотный и интенсивный обмен происходит с родительской семьей или семьей детей; обмен с остальными родственниками значительно менее активен. Минимальная плотность и интенсивность — в обменах с людьми, не являющимися родственниками. Таким образом, все без исключения семьи погружены в сетевой обмен ресурсами разного рода. И по сельским, и по городским сетям проходят

столь значительные объемы ресурсов, что трудно назвать сети дополнительным, декоративным элементом социальной жизни. Скорее сети являются одним из основных механизмов поддержания домохозяйств “на плаву”, выполняя мощную перераспределительную функцию среди семей разного достатка, разного возраста и стиля жизни. Сеть как материализация институтов родства, приятельства, соседства и пр., позволяет выявить культурные коды их функционирования. Взаимодействие в сети строится не только и не столько в соответствии с материальным статусом контрагента, сколько с вмененным ему правилом пребывания в сети. Так, родители заботятся о молодых семьях, даже будучи относительно бедными на их фоне. Родители жены находятся в более привилегированном положении, чем родители мужа также вне сравнения их материального положения. Бабушки и дедушки получают подтверждение своей социальной значимости, заботясь о внуках, не получая эквивалентного вознаграждения. При всех разговорах об ослаблении родственных связей современного человека, его погруженности в круг приятелей, коллег и соседей отношения с родственниками продолжают доминировать в пространстве сетей. Плотность и интенсивность обмена с родственниками выше, чем с неродственникам. Единственное исключение — долговые денежные обязательства, которые более распространены в неродственной среде в связи с отсутствием моральны обязательств передачи денег в дар. Долги среди родственников предполагают более крупные суммы, оправдывая своей величиной отклонение от традиции безвозмездной родственной помощи. Специфика сетевого взаимодействия прослеживается в разрезе города и деревни. Это проявляется в амплитуде сезонных колебаний, в соотношении продуктовых, трудовых и денежных трансфертов, в большей коррозии института соседства в городе. Вне этих вопросов городские и сельские сети ведут себя схожим образом, подтверждая наличие единой логики сетевой взаимопомощи. Ни нищета, ни богатство не приводят к выходу из сетевого мира. Решающую роль в соотношении принимаемых и отдаваемых благ играет материальный

статус домохозяйства. Вследствие этого богатые семьи, обреченные на донорство, испытывают повышенную нагрузку и порожденную ею усталость от сетевого членства. Это может вызвать практику сознательного дистанцирования от сети, избирательного участия в ней, сокращения круга контрагентов. Участники сети далеки от стремления точно соблюдать количество принимаемых и отдаваемых даров, а также их стоимостное соответствие. Но сети не распадаются, они устойчивы и, как правило, бесконфликтны, что еще раз доказывает наличие внестоимостной и, как минимум, не только стоимостной логики их функционирования. Сетевые взаимодействия не являются инструментом максимизации прибыли их участников. Вероятнее всего это механизм выравнивания жизненных возможностей участников сети, система разноплановой и оперативной взаимопомощи. Даже при объединении в сеть совокупная сопротивляемость бедных домохозяйств внешней среде повышается в результате более гибкого использования совокупных ресурсов и возможности их поочередного использования на благо входящих в сеть домохозяйств.

Тема 6. Специфика домохозяйств плановой, транзитной и рыночной экономик

Неформальная экономика и, в частности, домашняя сфера не существуют автономно. Они зависят от модели формальной экономики. В самом грубом приближении можно выделить три типа экономической среды: плановая, рыночная и переходная экономики. Эти модели различаются принципами хозяйствования, которые доминируют в формальном секторе. Функции домашней экономики, ее характер, а также социальный портрет ее активных участников существенно модифицируются в зависимости от характеристик формальной экономической среды. Именно в этом заключена разгадка удивительной живучести домохозяйств. Меняется среда, но вместо отмирания домашней экономики мы наблюдаем трансформацию выполняемых ею функций, специфику проявлений. Функциональная многоплановость – залог исторической устойчивости домохозяйств.

Обратимся к российским реалиям. Советский период создавал уникальные условия для культивирования домашнего хозяйства. Неотъемлемым элементом дореформенного порядка вещей являлся тотальный дефицит товаров и услуг и слабое соответствие их потребительских свойств потребностям населения. Другими словами, на фоне тотального дефицита предлагаемые блага надо было “доводить” до пригодной к употреблению формы, например, изменять размер вещи, перекрашивать в нужный цвет и пр. *Домашнее хозяйство планового периода смягчало товарный дефицит и приспособлявало производимые в формальной экономике товары и услуги к потребностям и потребительским предпочтениям домохозяев.* Именно производственная (произвести недостающее) и адаптационная (приспособить имеющееся) деятельность определяла функциональные доминанты домашней экономики советского периода. Учитывая, что доступ к необходимым ресурсам зависел от места семьи в стратифицированном социальном пространстве, а также от структуры дружеских коммуникативных практик (блат), становится

очевидным, что в домашнем хозяйстве как в капле воды отражалось многообразие жизненных миров его членов.

В этой связи рывок России к рынку как символу изобилия и свободы мог бы означать снижение значимости домашней экономики. Однако на практике произошло скорее обратное. Домашняя экономика не просто не утратила своей актуальности, но, более того, превратилась в один из основных плацдармов борьбы за выживание в изменившихся условиях. Домохозяйство выполняло роль буфера, смягчая несоответствие между многогранностью жизненных устремлений своих членов и жестко ограниченной возможностью их реализации в рамках переходной экономики, характеризуемой открытой безработицей, высокой инфляцией, снижением уровня жизни, встряхиванием социальной структуры общества. На смену товарному и сервисному дефициту пришел дефицит платежеспособности и стабильности. Для огромной части населения проблема *«нечего купить»* трансформировалась в проблему *«не на что купить»*. Соответственно изменилось и хозяйственное целеполагание домохозяйств. *На первый план выходит противостояние инфляции, преодоление нехватки денежных средств.* Расцветают российские «фазенды», растут затраты времени на приобретение продуктов на удаленных оптовых рынках, расширяется перечень самооказываемых услуг. На этом фоне маркером высокодоходных групп населения становится даже не объем потребляемых благ и их качество, а способы их включения в потребление, обилие сервисных моментов на этом пути. Для людей с более низким уровнем жизни нехватка средств компенсируется повышенным расходом времени на ведение домашнего хозяйства. Впрочем, связь с доходами не прямая, - расширение самопроизводственной деятельности, будучи спецификой транзитных обществ, охватывает не только семьи с низкими доходами. Так, по данным венгерского экономиста А.Шика, средние доходы семьи практически не сокращают масштаб домашнего производства по сравнению с низкодоходными группами, а по ряду позиций даже увеличивают его.

Домашняя экономика значительной части населения в переходный период становится зримой по результатам и трудоемкой по исполнению.

В этой связи логично ожидать снижение значимости домохозяйств при переходе к развитой рыночной экономике. Ведь хрестоматийный образ рынка характеризуется изобилием товаров и услуг, а его социальная структура видится как доминирование среднего слоя, достаточно платежеспособного для обеспечения жизни. Рынок рисуется как среда, где нет дефицита товаров и услуг, при этом для значительной части населения нет недостатка средств на их приобретение. Но и в этих условиях домохозяйства сохраняют свою экономическую значимость. Они берут на себя *функцию снятия противоречия между массовым, унифицированным характером производства и стандартизированным сервисом, с одной стороны, и индивидуализированными запросами потребителей, с другой*. В целом эволюция взаимоотношения производителей и потребителей с древних времен до наших дней выглядит как путь от индивидуальных изготовителей (ремесленники, мастера), обслуживающих довольно унифицированные запросы покупателей, до массового производства (заводы, фабрики) и стандартизированного сервиса (показательна система fast food), противостоящих индивидуальным запросам потребителей. Индивидуализация потребностей связана с ростом значимости личности, приватности, стилевого плюрализма как общего пафоса эпохи постмодерна. В развитой рыночной экономике домохозяйства выполняют роль не пожарника, который гасит очевидные неудобства (дефицит благ или нехватку средств на их приобретение), а декоратора, придающего потреблению индивидуальный характер. И эта тенденция сохраняет силу при всех различиях в национальных моделях потребления.

В этой связи меняется и социальный портрет наиболее активных участников домашней экономики. В плановой экономике потребность в домашнем производстве товаров и услуг тем актуальнее, чем более домохозяйство страдает от дефицита. Соответственно, в этих условиях

наиболее отчетливо функции домашней экономики демонстрируют домохозяйства, удаленные от системы закрытого распределения и не имеющие разветвленных отношений блага. В переходный период ситуация меняется. На первый план выходит не близость к распределительным каналам, а финансовые возможности семьи. Демонстрантами специфики домашней экономики переходного периода становятся домохозяйства низкодоходных групп населения. Это уже группа, отлученная не от дефицитных благ, а от возможностей зарабатывать достаточные для жизни денежные средства. Третья стадия - экономика развитого рынка – выводит в флагоманы домашней экономики тех, кто, наоборот, имеет достаточно средств для придания жизненному комфорту почти сакрального значения. Это уже группа не страдающих, а выигрывающих. Они успешны настолько, что могут себе позволить заботиться о сохранении индивидуальности потребления в условиях унифицированного предложения массовых производителей.

Различные контуры формальной экономики создают принципиально разные альтернативы домашней экономике, точнее, способы уменьшения ее масштаба. При плановой экономике можно отчасти «расслабиться», если удастся войти в сети блага, дающие доступ к дефицитным благам. Тот же эффект дает повышенный доход в ситуации дефицита платежеспособности населения. И, наконец, приобретение авторских и малосерийных изделий, пользование индивидуальными услугами может существенно покрыть потребности домохозяйств развитого рынка. Но дело в том, что эти стратегии заведомо носят ограниченный характер в силу специфики макросреды. Так, дефицит не устраним без упразднения планового регулирования экономики, массовость низкодоходных групп является неотъемлемым свойством резких общественных трансформаций, а отход от массового производства и стандартизированных услуг повышает их стоимость, что актуализирует производство аналогов силами домашней экономики. Таким образом, *неустранимость домашней экономики заложена в имманентных свойствах макросистем.*

Меняется и природа принуждения, лежащая в основе домашней активности. Дефицит товаров и услуг, равно как и дефицит денег выводит на авансцену принуждение экономическое. Напротив, домашнее производство товаров и услуг в развитой рыночной экономике держится, преимущественно, на принуждении социальном. В первом случае домашняя экономика обусловлена тем, что люди не могут себе позволить не заниматься ею, тогда как во втором случае домашний труд демонстрирует, что люди успешны настолько, что могут себе позволить роскошь внимания к собственным желаниям. Социальное принуждение проявляется в навязывании образа жизни, акцентирующего внимание на обустроенности быта, на утонченности потребительских запросов. Показательна в этом смысле эволюция рецептов, предлагаемых на страницах женских журналов. В советский период ценность рецепта определялась доступностью его ингредиентов в условиях продуктового дефицита. В переходной экономике реклама рецепта строится на его относительно невысокой цене. Рецепты, предлагаемые обеспеченным гражданам рыночной экономики, не стеснены выбором ингредиентов и их ценой и делают акцент на возможность в домашних условиях создать необычную атмосферу и порадовать близких.

Необходимо заметить, что выделенные три модели формальной экономики – абстракция. Реально существуют только их гибриды и превращенные формы, в результате чего домохозяйства различных социальных слоев демонстрируют разные целеполагания домашней экономики. Скажем, советский дефицит товаров был ослаблен для номенклатуры, а постсоветский дефицит денег – для предпринимателей и определенных групп высоко оплачиваемых работников, что определило специфику их домашней активности. В рыночной экономике тоже далеко не все поднимаются до уровня потребительских запросов среднего класса с соответствующей спецификой быта. Можно высказать предположение, что дифференциация моделей домашней экономики выступает одним из наиболее зримых признаков стратификации общества.

Вышесказанное можно представить в виде таблицы:

Характеристики домашней экономики	Модели формальной экономики		
	Плановая экономика	Транзитная экономика	Развитая рыночная экономика
Основная функция	Смягчение дефицита благ	Смягчение дефицита денег	Смягчение дефицита индивидуальности массового продукта
Типичные представители	Удаленные от закрытого распределения	Малодоходные группы населения	Средний класс
Удовлетворение потребностей	Базовые потребности	Базовые потребности	Потребности в индивидуализации быта
Принуждение	Экономическое	Экономическое	Социальное
Индивидуальная альтернатива	Достать дефицитное благо	Заработать дополнительные деньги	Пользоваться индивидуальными услугами и авторскими изделиями
Общественная альтернатива	Преодоление товарного дефицита	Поднятие уровня жизни	Диверсификация производства и индивидуализация сервиса
Пределы общественной альтернативы	Дефицит имманентно присущ плановому хозяйству	Падение уровня жизни – неотъемлемое свойство резких структурных трансформаций	Отход от массового производства и стандартизированных услуг повышает их стоимость, создавая трудности сбыта

Безусловно, в основе домашней деятельности, в отличие от теневой, лежит не игнорирование формальных норм, а их изначальное отсутствие. Домашней экономике нет нужды уворачиваться от формального пресса, так как она существует в иной реальности. Если отношение теневой экономики к формальному институциональному пространству редуцируется до слова

«вопреки», то диспозиция домашней экономики сводится к понятию «вне». Несмотря на это, домашняя экономика, подобно теневой, является своего рода отражением формального экономического порядка. Разница состоит в том, что теневая экономика реагирует на некомфортность институциональной среды путем ее отрицания и подмены неформальными практиками, тогда как домашняя экономика далека от протестного игнорирования, - реакцией являются не противоправные действия, а характер выполняемых домашней экономикой функций. Теневая экономика создает внелегальную систему правил, а домашняя, будучи дистанцированной и казалось бы независимой от формальных экономических институтов, вырабатывает способы защиты домочадцев от порождаемого этими правилами дисфункций. Характер деятельности и целеполагание домашней экономикой гибко реагируют на изменения макросреды.

Тема 7. ФИНАНСЫ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА

Финансы домашнего хозяйства (домохозяйства), как и финансы общества в целом, представляют собой экономические денежные отношения по формированию и использованию фондов денежных средств в целях обеспечения материальных и социальных условий жизни членов хозяйства и их воспроизводства. Являясь звеном в финансовой системе на уровне отдельной семьи, они выступают первичным элементом социально-экономической структуры общества. В отличие от финансов коммерческих предприятий и организаций, имеющих решающее значение в создании, первичном распределении и использовании стоимости валового внутреннего продукта и национального дохода, финансы домохозяйства не стали приоритетным звеном финансовой системы и играют подчиненную, хотя и важную роль в общей совокупности финансовых отношений.

Выделение финансов домашнего хозяйства в самостоятельное звено финансовой системы в условиях развитых рыночных отношений, когда кругооборот капитала охватывает преобладающую часть процесса производства, обусловлено рядом факторов.

Сущность финансов домохозяйств находит свое проявление в функциях. Ныне они выполняют две базовые функции:

- 1) обеспечения жизненных потребностей семьи;
- 2) распределительную функцию.

Изначальная и главная - функция обеспечения жизненных потребностей семьи. Она создает реальные условия существования членов данной семьи.

Развитие рыночных отношений существенно повлияло на форму проявления этой функции. В период натурального хозяйства продукция, создаваемая членами, удовлетворяла их потребности, и обмен излишками возникал редко, в небольшом количестве и, как правило, по соседству.

В результате товарно-денежных отношений, появления, а за тем и увеличения рынка произошло: 1) расширение материальных, социальных, культурных и иных потребностей семьи; 2) создание и рост денежных средств домашнего хозяйства; 3) возникновение денежного фонда — семейного бюджета, предназначенного для обеспечения материальными благами.

Распределительная функция финансов домохозяйств охватывает первичное распределение национального дохода и формирование первичных доходов семьи.

Финансовые отношения домашнего хозяйства включают две группы:

1) отношения между данной хозяйственной единицей и другими звеньями финансовой системы (государственными финансами - бюджетами и внебюджетными фондами, и финансами коммерческих организаций и предприятий), создавая первичные доходы в виде заработной платы, пенсий, пособий и т.п.;

2) отношения между членами домохозяйства, когда средства распределяются и обособляются, образуя обособленные денежные фонды. Обособление средств внутри домохозяйства не меняет собственника, исключая всякую эквивалентность.

Эта функция включает три последовательные ступени: формирование, распределение и использование денежных фондов.

Обе функции финансов домохозяйства взаимосвязаны и действуют одновременно, дополняя друг друга.

Финансовые ресурсы домохозяйства — это совокупный фонд денежных средств, находящийся в распоряжении семьи. Созданный в результате производственной деятельности членов домохозяйства, он выступает частью национального дохода общества. Объем денежного фонда домохозяйства зависит от усилий каждого в хозяйстве.

Финансовые ресурсы домохозяйства выступают в виде обособленных денежных фондов, имеющих, как правило, целевое назначение. Создаются два основных фонда:

1. фонд потребления, предназначенный для удовлетворения личных потребностей данного коллектива - семьи (приобретение продуктов питания, товаров промышленного производства, оплата различных платных услуг и др.);
2. фонд сбережений (отложенных потребностей), который будет использован в будущем для приобретения дорогостоящих товаров либо как капитал для получения прибыли.

Фондовая форма финансовых ресурсов позволяет увязать потребности домохозяйства с возможностью коллектива хозяйства в целом, а также проконтролировать, как удовлетворяются потребности каждого в семье.

Состав финансовых ресурсов домохозяйств включает:

- 1) собственные средства, т.е. заработанные каждым членом семьи - зарплата, доход от подсобного хозяйства, прибыль от коммерческой деятельности;
- 2) средства, мобилизованные на рынке, в форме полученного кредита у кредитных организаций, дивиденды, проценты;
- 3) средства, поступившие в порядке перераспределения, - пенсии, пособия, ссуды из бюджетов и внебюджетных социальных фондов.

Финансы домохозяйства взаимодействуют с централизованными финансами (бюджетами — федеральным, региональными, местными и внебюджетными социальными фондами) и децентрализованными финансами предприятиями разных форм собственности, а также с финансовым рынком.

Между ними возникают непрерывные денежные потоки - односторонние, двух- и многосторонние. Между домохозяйством и государством осуществляется постоянно движение денежных потоков. Члены домохозяйств предоставляют труд работников для государственного

сектора, продают государству товары и услуги собственного производства. За это семья получает оплату труда и доход. Кроме того, финансовые отношения возникают и при оплате налогов, сборов, пошлин и отчислений в казну и социальные внебюджетные фонды.

Вместе с тем домохозяйства получают от правительства различные денежные трансферты, а также общественные блага и услуги в натуральной форме.

Денежные потоки возникают у домашних хозяйств с негосударственным сектором — предприятиями, организациями, компаниями. Получая от них товары, услуги, они (домашние хозяйства) возвращают им стоимость полученных различных благ в форме денег. Юридические лица вместе с тем могут обеспечивать домохозяйства кредитными ресурсами, а также прибылью, дивидендами, процентами, арендной платой при наличии соответствующей собственности у членов данного коллектива.

В результате кругооборота финансовых ресурсов домохозяйства могут удовлетворять свои личные потребности сегодня и в будущем.

Финансовые ресурсы формируют бюджет домашнего хозяйства. По своему материальному содержанию бюджет домохозяйства - это форма образования и использования фонда денежных средств домохозяйства. Он объединяет совокупные доходы членов домохозяйства и расходы, обеспечивающие их личные потребности. Средств семейного бюджета постоянно не хватает в связи с расширением потребностей. Недостаток средств бюджета, особенно в нашей стране, вынуждает участников домохозяйства помимо продажи рабочей силы на основном месте работы и получения оплаты труда по трудовым договорам вести личное подсобное хозяйство, осуществлять индивидуально-трудовую и предпринимательскую деятельность, сдавать излишки своей недвижимости и предметы длительного пользования в аренду, приобретать и реализовывать ценные бумаги и т.п.

В рамках бюджета формируются обособленные денежные фонды:

1. индивидуальные, предназначенные для отдельных членов семьи и используемые на приобретение различных товаров, развлечения, учебу, медицинское обслуживание и т.п.;
2. совместный, для покупки товаров общего пользования (телевизора, холодильника и т.д.);
3. накопления и обеспечения (резервный фонд), используемый для будущих капитальных расходов (покупки дома, квартиры, участка земли, средств транспорта, а также формирования первоначального капитала для коммерческой деятельности).

Потребность в создании фонда накопления возникает не только для приобретения товаров длительного пользования, требующих больших средств, для отдыха и дорогостоящего медицинского обслуживания, но также для обеспечения достойной жизни в старости.

В экономической зарубежной литературе различают постоянный и временный доход домохозяйства. Постоянный - это доход, который, согласно ожиданиям человека, сохранится в будущем. В стабильном экономическом обществе к этому виду относят, как правило, оплату трудовой деятельности.

Временным считается доход, который в будущем может исчезнуть, например, доход от ценных бумаг в связи с прекращением акционерного общества. В России, когда общее экономическое положение страны неустойчиво, весь доход домохозяйства становится временным, трудно прогнозируемым.

Доход семейного бюджета определяет объем потребления домохозяйств.

Постоянный доход, размер которого повторяется из года в год, не вызовет серьезных колебаний в их потребительских расходах. В то же время временный доход может оказать серьезное влияние на общий платежеспособный спрос страны. Его рои в отдельный период времени,

создав дополнительные требования товаров и услуг, осложнит ситуацию на рынке.

Государство оказывает существенное воздействие на объем бюджета домашнего хозяйства, так как в рыночной экономике оно полностью интегрировано в общий кругооборот материальных и денежных средств. Это воздействие осуществляется:

- 1) через налоговую систему — домохозяйства оплачивают налоги, сборы, пошлины и делают другие обязательные отчисления
- 2) через оплату труда работников в государственном секторе;
- 3) через предоставляемые различные общественные блага и услуги;
- 4) через государственное ценообразование.

Доходы домашнего хозяйства - часть национального дохода, создаваемая в процессе производства и предназначенная для удовлетворения материальных и духовных потребностей членов хозяйства. Эти доходы должны возместить трудовые затраты, т.е. все физические и умственные способности людей, израсходованные в процессе производства. Однако в современном обществе из-за не равномерного распределения национального дохода ресурсы у отдельных категорий домохозяйств оказываются недостаточными, чтобы поддержать жизненные силы на требуемом уровне. Поэтому государство за счет бюджета и внебюджетных фондов и предприниматель за счет прибыли пополняют средства домохозяйств.

Валовой доход домохозяйств - это денежные доходы, стоимость натуральных поступлений продуктов питания и предоставленных государством и предприятиями в натуральном выражении льгот, дотаций, подарков (без учета накопленных сбережений), а накопления и сбережения в нашей стране из-за относительной бедности всегда стояли на низком уровне.

В валовых доходах преобладают денежные доходы, представляющие собой объем денежных средств, которыми располагает домохозяйство для

обеспечения своих расходов. Денежные доходы формируются за счет следующих источников:

- 1) оплата труда членов домохозяйств, полученная при выполнении трудовых соглашений при найме, а также премии, постоянные надбавки к зарплате, выплаты работодателями на социально-культурные цели: пособия, оплата транспортных услуг, путевок и т.п.;
- 2) доходы от предпринимательской деятельности в форме прибыли, дивидендов, процентов по ценным бумагам и вкладам, арендная плата и др.;
- 3) государственные социальные выплаты (трансферты) пенсии, пособия и другие платежи из бюджета и внебюджетных социальных фондов.

В нашей стране соотношение между этими тремя источниками резко менялось.

В условиях господства государственной собственности основными доходами домохозяйств были заработная плата и выплаты из бюджета. По мере развития рыночных отношений роль второго источника стала возрастать.

Однако и сегодня оплата труда остается главным доходом. Значение отдельного вида источника у конкретной семьи определяется ее социальным составом. Так, имеются домохозяйства, где оплата труда составляет почти 100% денежного дохода, например, работающая супружеская семья без детей. Есть домохозяйства, где денежный доход формируется только за счет государственных социальных трансфертов. На пример, супруги-пенсионеры, воспитывающие малолетних внучат. На структуру доходов домохозяйств оказывает влияние место проживания — в городе или на селе.

Кроме того, денежные доходы домохозяйств пополняются за счет натуральных поступлений (например, производимых в подсобных хозяйствах продуктов или выполнения для собственного потребления услуг, а также полученных в порядке поощрения товарно-материальных ценностей от работодателей или государства).

В основу деления доходов положены разные признаки.

В зависимости от источника дохода они подразделяются на:

- . заработную плату и дополнительную оплату трудовой деятельности;
- . доходы от предпринимательской деятельности; доходы от ценных бумаг;
- . арендную плату за переданное во временное пользование имущество;
- . страховое возмещение;
- . доходы от реализации имущества;
- . выплаты из государственных денежных фондов (бюджетов, внебюджетных фондов);
- . прочие.

В зависимости от равномерности поступления различают доходы:

- регулярные (оплата труда, арендная плата и др.);
- периодические (авторские гонорары, доходы по ценным бумагам и др.);
- случайные или разовые (подарки, доходы от реализации имущества).

3. В зависимости от надежности поступления различают доходы:

1. гарантированные (госпенсии, доходы по госзаймам);
2. условно-гарантированные (оплата труда);
3. негарантированные (гонорары, комиссионное вознаграждение).

В условиях рынка роль государства в регулировании оплаты труда ограничена.

В настоящее время воздействие на оплату труда осуществляется с помощью законодательных актов или косвенным путем через налоговый механизм.

В целях недопущения низкого уровня оплаты труда и социальной защиты населения принят Закон «О минимальном размере оплаты труда» (МРОТ).

Согласно Закону предприятия и организации всех форм собственности, а также индивидуальные предприниматели, осуществляющие наем рабочей

силы, не имеют право платить работникам меньше установленного минимума.

Реальное значение МРОТ из-за инфляции постоянно падает. Правительство РФ, стремясь несколько оградить минимальную оплату от обесценивания, осуществляет ее индексацию.

Для государственных бюджетных организаций (школ, вузов, больниц, театров и т.д.) в 1992 г. установлена Единая тарифная сетка (ЕТС), определившая уровень оплаты и ее дифференциацию по категориям работников. Она классифицирует работников бюджетной сферы на 18 разрядов и каждому разряду определяет свой коэффициент от 1 до 10,07.

Бюджетные организации в зависимости от выделенных бюджетных ассигнований самостоятельно определяют виды доплат, исходя из квалификации работника и сложности выполняемых трудовых обязанностей с учетом разряда и коэффициентов ЕТС. В целом оплата в бюджетной сфере в 1,5—2 раза меньше, чем в промышленности, уже не говоря о финансово-кредитных учреждениях.

Представительные органы субъектов РФ, учитывая слабую обеспеченность работников бюджетной сферы, оказывают им финансовую поддержку, исходя из размеров своего бюджета.

Ограничение максимального размера оплаты труда государство установить не может, так как он зависит от финансовых возможностей работодателей.

В частном секторе конкретные размеры ставок оплаты по профессиям на крупных предприятиях определяются условиями коллективных трудовых договоров, а у индивидуальных предпринимателей, где работают несколько человек, — договором с отдельным работником.

К денежным доходам домохозяйств относят также государственные социальные трансферты — пенсии, пособия и другие выплаты из средств бюджетов разного уровня и внебюджетных фондов.

Пенсионной системой в России охвачено 38,3 млн. престарелых, инвалидов, членов семей, потерявших кормильца. Идет процесс ухудшения демографической ситуации. В настоящее время соотношение работающих и пенсионеров составляет 1,7:1, а к 2010г., по некоторым прогнозам, это соотношение может достигнуть 1 : 1 (в то время как в развитых странах — 2,2—2,4 : 1). Пенсии выплачиваются из внебюджетного социального Пенсионного фонда.

Кроме пенсий российские граждане из Фонда социального страхования РФ получают пособия. Наибольший удельный вес занимают пособия по временной нетрудоспособности и пособия на детей.

Расширение рыночных отношений в России вызвало резкое расслоение в обществе и социально-имущественную дифференциацию населения. Поляризация общества усугубляется. Это можно видеть, сравнивая децильные группы домохозяйств самых обеспеченных и самых необеспеченных. Анализ доходности в разрезе домохозяйств дает возможность учесть демографические, региональные и внутрисемейные факторы распределения и использования совокупного дохода, в том числе и в его денежной и натуральной форме. Кроме того, большое влияние на денежные доходы домохозяйств оказывают место проживания (и городской или сельской местности), а также численность, в том числе количество детей в семье.

В России все большая доля населения становится бедняками. Бедность — это низкий уровень денежных и натуральных доходов, недостаточных для удовлетворения основных жизненных (биологических) потребностей — жилья, питания, одежды, услуг. Показателем бедности страны в экономической литературе признается удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума. В России прожиточный минимум был официально введен в 1997 г., хотя расчеты его отдельными экономистами делались и раньше.

Соотношение среднедушевых распределяющих ресурсов домохозяйств и прожиточного минимума свидетельствует о низком жизненном уровне большей части населения России, а динамика этого соотношения об ухудшении положения.

Обследование бюджетов домохозяйств показывает, что бедность носит многопрофильный характер и определяется местом проживания, социальными факторами, статусом занятости, образовательным уровнем и др. Доля бедных домохозяйств в сельской местности выше, чем в городе. Малоимущие и крайне бедные домохозяйства - это семьи, воспитывающие трех и более детей.

Расходы бюджета домохозяйства играют существенную роль и экономике страны. Используя свои доходы, семья обеспечивает формирование и развитие рынка товаров и услуг. Реализуя свои накопления и сбережения, она увеличивает спрос на ценные бумаги, расширяя тем самым фондовый рынок.

Кроме того, большое значение домохозяйства как субъекта предложения важнейших производственных ресурсов - труда и предпринимательской деятельности. Наконец, члены семьи, занимаясь воспитанием детей, выступают главными потребителями социально-культурной сферы, которая финансируется государством.

Члены домохозяйств, расходуя свои средства, удовлетворяют разнообразные потребности. Это возможно двумя путями:

- 1) использованием денежных доходов на приобретение товаров и услуг;
- 2) натуральным самообеспечением, происходящим за счет собственной трудовой деятельности отдельных членов хозяйства.

В настоящее время наблюдается снижение платежеспособного спроса населения страны. Сокращение общественного производства и инфляционный процесс вызвали у домохозяйств резкое повышение экономической активности. Проблема выживания сегодня стоит для значительной части российского общества (почти четверть нашего

населения живет ниже прожиточного минимума). В этих условиях все ресурсы общества, в том числе и каждого домохозяйства, мобилизуются для поддержания существования. При общем спаде общественного производства вновь получает развитие натуральное и полунатуральное хозяйство. Семейные коллективы, чтобы существовать, производя продукцию на личном подсобном и приусадебном участках, занимаются индивидуально-трудовой и предпринимательской деятельностью, в том числе семейной торговлей; выполняют раз личные платные услуги.

Хотя натуральное и полунатуральное хозяйства менее эффективны, чем общественные, и не способны обеспечивать полным набором всех товаров и услуг, но они поддерживают необходимый минимальный уровень семейного бюджета и спасают домохозяйства от бедности и нищеты. О значительной материальной поддержке домохозяйств внутренними силами свидетельствую I относительно высокая и все увеличивающаяся доля продукции и услуг, создаваемая семьями в ВВП (от 12 до 15% ВВП).

Натуральное самообеспечение за последние годы возросло, а с учетом государственных социальных трансфертов в натуральной форме занимает почти четвертую часть потребления домашнего хозяйства. Однако денежные расходы играют доминирующую роль в общем объеме конечного потребления.

Денежные расходы домохозяйства - фактические затраты на приобретение материальных и духовных ценностей, необходимые для продолжения жизни человека, которые включают потребительские расходы и расходы, не связанные непосредственно с потреблением. Они выполняют очень важную роль по воспроизводству рабочей силы отдельных членов домашнего хозяйства.

В современных условиях в России происходит снижение реальных расходов из-за уменьшения доходности определенных групп населения. Наряду с другими факторами это приводит к качественным изменениям в

обществе: ухудшению здоровья населения, сокращению продолжительности жизни, падению уровня рождаемости.

Денежные расходы домашнего хозяйства можно классифицировать по разным признакам:

1) по степени регулярности:

- постоянные расходы (на питание, коммунальные услуги и др.);
- регулярные расходы (на одежду, транспорт и др.);
- разовые расходы (на лечение, товары длительного пользования).

2) по степени необходимости:

- первоочередные (необходимые) расходы на питание, одежду, медицину;
- второочередные (желательные) расходы (на образование, страховые взносы и т.п.);
- прочие расходы (остальные);

3) по целям использования:

- потребительские расходы (на покупку товаров и оплату услуг);
- оплата обязательных платежей и различных обязательных плюсов;
- накопления и сбережения во вкладах и ценных бумагах;
- покупка иностранной валюты;
- прирост денег на руках населения.

Самые большие изменения за указанный период произошли в двух статьях: значительно возрос удельный вес расходов на покупку инвалюты и резко снизились средства на руках населения. Подобная тенденция продолжилась в 1999 г. и начале 2000 г.

Покупка товаров и оплата услуг – потребительские расходы, являющиеся главными, составляют три четверти всех денежных затрат. Их величина обусловлена: объемом денежных доходов, которые сегодня недостаточно велики; удовлетворением необходимых личных и семейных потребностей; уровнем розничных цен; климатическими и географическими условиями жизни и другими факторами.

Структура расходов домохозяйства показывает, что расходы на продукты питания занимают преобладающую долю. Причем в городе эта доля выше. В сельской местности домохозяйства почти на треть обеспечивают себя за счет натурального хозяйства. Непромышленные товары (одежда, обувь, мебель, бытовая техника) составляют в городе почти 1/3, а на селе — лишь пятую часть.

Доля расходов на услуги постоянно возрастает. Особенно увеличились затраты семей в городе на жилье, коммунальные услуги, лекарства, а также на проезд в общественном транспорте. Отдельные виды услуг настолько подорожали, что просто выпали из бюджета рядового гражданина (например, чистка одежды, общественная стирка и др.). Однако появились новые виды платных услуг (здравоохранение, образование), которые стали занимать все большую долю расходов семьи.

Количественный состав домохозяйств также оказывает влияние на структуру расходов конечного потребления. В более выгодном положении находятся домохозяйства, состоящие из одного человека. С ростом численности домохозяйств положение ухудшается. У них снижается доля на питание и повышается доля натуральной продукции из личного подсобного хозяйства и из других поступлений.

Уменьшение общих расходов на продовольственные товары отражается на качественном составе продуктов питания: снижается доля таких продуктов, как фрукты, кондитерские изделия, мясо и мясопродукты, и возрастает доля хлеба и хлебопродуктов, картофеля и овощей.

Вторая группа денежных расходов домохозяйств - обязательные и добровольные платежи. К обязательным платежам относятся налоги, сборы, пошлины, отчисления, которые взимаются органами исполнительной власти в бюджеты разного уровня и во внебюджетные фонды. Добровольные платежи производят отдельные члены домохозяйств по собственной инициативе в страховые организации при страховании

от различных рисков, негосударственные пенсионные фонды, благотворительные фонды и др.

Доля этих расходов в общих расходах домохозяйств относительно невелика.

Члены домашнего хозяйства как граждане РФ платят различные обязательные платежи, которых насчитывается более 15, прежде всего это федеральные и местные налоги и сборы. К федеральным налогам с населения относятся: подоходный налог с физических лиц, налог с имущества, переходящего с наследства и дарения, налог с владельцев транспортных средств, государственная пошлина, таможенные сборы с физических лиц. Среди местных налогов основными являются налог на имущество с физических лиц, земельный налог и др.

Самым главным с точки зрения его тяжести на плательщика является подоходный налог, который взимается с совокупного дохода в денежной и натуральной форме, выраженный в рублях и инвалюте на дату получения дохода.

Третья группа расходов - сбережения и накопления домохозяйств.

К началу проведения экономической реформы у населения имелись значительные накопления, образовавшиеся преимущественно в результате отложения спроса из-за дефицита товаров и сконцентрированные на счетах в сберкассах. Однако сильная инфляция в первой половине 90-х годов быстро «съела» все сбережения.

Переход к рынку и свобода предпринимательства создали возможность для особой категории домохозяйств накапливать средства, откладывая их для приобретения дорогостоящих ценностей (земли, домов, транспортных средств) либо для капитализации путем вложения в ценные бумаги, банковские депозиты.

Распределение накоплений и сбережений в России крайне неравномерно между домохозяйствами. Домохозяйства, доходы которых ниже

прожиточного минимума (их насчитывалось в 1998 г. 35 млн. человек), вообще не имеют накопления, перед ними стоит главная задача — выжить.

Денежные накопления и сбережения, аккумулированные в банках, служат источником расширения кредитных отношений. Потребительский кредит пополняет денежные доходы членов домохозяйств и способствует увеличению платежеспособного спроса на товары и услуги. Особенно важен потребительский кредит для России, где уровень жизни относительно низок, а кредитные возможности банковской системы нуждаются в дополнительных капиталах.

Домашние хозяйства — не только учетно-статистический показатель, который используется для анализа состояния общества, но и особый тип хозяйства, оказывающий серьезное влияние на все экономические отношения в стране.

В условиях ограниченности бюджета перед членами домохозяйства постоянно возникает проблема распределения средств между денежными фондами, между доходами и расходами. Отсюда вытекает неизбежная необходимость для каждой семьи так планировать свои доходы и рационально их использовать, чтобы не допустить появления отрицательного сальдо. В условиях домашнего хозяйства финансовое планирование носит упрощенный характер.

Высокий уровень бедности российского населения требует от государства проведения разнообразных мероприятий по поддержанию лиц, находящихся за чертой бедности. Государственная помощь домохозяйствам должна выражаться не только в финансово-экономической защите населения, но и в правовом и организационном стимулировании индивидуально-трудовой деятельности и семейного бизнеса.

ТЕМА 8. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА

В данном разделе речь пойдет о распределении домашнего труда между супругами в российской семье. В области домашнего труда существует заметное неравенство между мужчиной и женщиной. Несмотря на то, что женщины сегодня весьма активно заняты на рынке труда, на их плечах лежит значительная часть домашнего хозяйства. Даже если женщина имеет высоко оплачиваемую работу, по традиции домашние занятия по-прежнему оставляют ей.

Преобладание женского труда в домашнем хозяйстве фиксируется эмпирическими исследованиями в разных странах и в разное время. Согласно результатам опросов участие мужа в домашней работе и воспитании детей в среднем составляет 30 % от соответствующего вклада жены. В 1970—1990-е годы отчетливо обозначились попытки создания теоретических схем, адекватных экономике домашнего хозяйства и объясняющих этот феномен. Эти теории пытаются дать ответ на вопросы о том, чем определяется мера устойчивости традиционной модели распределения домашнего труда? Какие механизмы регулируют ролевую дифференциацию внутри домохозяйства? Каковы закономерности распределения совокупного труда супругов?

Специалисты выделяют две группы таких теорий – экономические и социологические.

Экономических подходы исходят из неоклассической и неоинституциональной традиции, поскольку именно эти направления формируют методологическое ядро современной гендерной экономики.

Объяснение преимущественной ответственности женщин за ведение домашнего хозяйства взяла на себя теория ресурсов. Логика данного теоретического подхода состоит в следующем. Любая работа, в том числе домашняя, задействует определенные ресурсы. Специфика домашней работы состоит в том, что лишь немногие ее виды претендуют на ресурсы, имеющие

жесткую привязку к полу или квалификации исполнителя. Такие виды работ связаны с особыми требованиями к физическим, психическим или квалификационным характеристикам. Так, тяжелая физическая работа закрепляется за мужчинами — обладателями физической силы как специфического ресурса. Но такие работы в домашней экономике — скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев домашний труд требует лишь наличия свободного времени. А этим главным ресурсом домашнего труда обладают те, кто менее востребован рынком труда, — в первую очередь, женщины.

Подобное объяснение полностью выводит вопрос внутрисемейного распределения обязанностей из плоскости идеологии, традиций, культурных норм, трактуя его исключительно как результат рационального распределения ресурсного потенциала семьи. Теория ресурсов снижает участие в домашнем труде того супруга, чей вклад в семейный бюджет становится решающим. Как правило, мужчина имеет сильные позиции на рынке труда, женщина имеет свободное время.

Данные эмпирических исследований не свидетельствуют в пользу столь упрощенной схемы. Во-первых, “уход” от домашнего труда по мере роста заработков супруги демонстрируют далеко не в равной мере. Во-вторых, если говорить не об абсолютной продолжительности домашнего труда, а о доле участия супругов в ведении домашнего хозяйства, то переструктурирование бюджетов времени, как оказалось, слабо зависит от соотношения статусных позиций супругов на рынке труда.

На базе ресурсного подхода развивается теория рационального выбора, которая наиболее полно представлена в “новой домашней экономике” Гэри Беккера. Согласно этому подходу, члены домохозяйства “максимизируют полезность” путем оптимизации расходов времени, затрачиваемого на труд в домашнем хозяйстве и на рынке труда. Для производства благ, производимых в домашней экономике, требуются ресурсы двоякого рода — время и товары. Согласно прогнозам Г. Беккера,

участие мужчин в домашней работе будет увеличиваться с ростом статусных позиций женщин в общественном производстве. Инновационный момент состоял в расширении понятия “неравенства возможностей”, куда помимо доходов были отнесены и статусные различия супругов. Согласно такому подходу, вполне оправданной становится гипотеза о сокращении домашнего труда женщин по мере расширения их возможностей на рынке труда в силу демократизации хозяйственной жизни.

Вместе с тем, в адрес этой теории раздаются критические замечания. Первое. Неоправданно игнорируется проблема неравного распределения власти между членами домохозяйства. Между тем именно дифференциация властных позиций, определяющая “вес” члена домохозяйства в процессе принятия решений, является одним из наиболее актуальных и потенциально содержательных аспектов исследования проблематики домохозяйств. Второе. Калькуляция рационального типа не объясняет существование некоего диапазона реагирования на набор внешних обстоятельств, которое во многом детерминировано внеэкономическими переменными (привычки, традиции, религиозные предпочтения и т. д.) Между тем многочисленные кросскультурные сравнения выявили влияние этнических, религиозных признаков в разделении внутрисемейных обязанностей. Кроме этого, сравнительные исследования, посвященные домохозяйствам, также свидетельствовали в пользу значительной дифференциации моделей их организации у представителей разных социальных групп. Представители нижних страт в большей степени разделяют патриархальные взгляды, а верхние слои общества декларируют приверженность антипатриархальным устоям. Однако на практике именно элитные группы обладают реальными властными ресурсами для воспроизводства патриархальных норм организации домашних хозяйств. Объяснение этих различий на языке “новой домашней экономики” связано с серьезными затруднениями. Третье. Пренебрежение различиями в индивидуальных вкусах и предпочтениях является слишком мощным допущением рассматриваемой модели. Решение

женщины остаться дома, с позиций данной теории, может трактоваться либо как отсутствие возможностей ее трудоустройства, либо как рациональный выбор, принимающий во внимание возраст детей и доход мужа. Но очевидно, что этим мотивация домохозяйки, равно как и мотивация профессионально ориентированной женщины, не исчерпывается. В частности, одним из действенных мотивов, влекущих женщин в общественное производство, является чувство ущербности и нереализованности, испытываемое домохозяйками. Для сторонников такой точки зрения “два фронта” женского бытия (“нормализация двойного дня”) становятся источником материальной и моральной реабилитации женщины, тогда как для их оппонентов — источником стресса и “ролевой перегрузки”. Противоречивость интерпретаций свидетельствует о неоднозначности мотивационных установок, о невозможности их исчерпывающего объяснения логикой “новой домашней экономики”. Четвертое. Каузальные ряды в модели Г. Беккера не имеют жесткой логической однонаправленности: причина и следствие легко меняются местами с сохранением общих рационалистических предпосылок. Так, с одной стороны, женщины сидят дома, потому что они зарабатывают меньше мужчин. С другой стороны, они зарабатывают меньше именно потому, что, специализируясь на домашнем труде, они теряют (или не приобретают) человеческий капитал. То же самое происходит с каузальной связью между уровнем разводов женщин и их уровнем дохода. С одной стороны, высокие доходы жены ослабляют ее зависимость от мужа и тем самым создают материальные условия для возможного развода; с другой стороны, разведенная женщина, освободившись от части домашней работы, начинает больше времени и сил отдавать работе на рынке труда и, как следствие, больше зарабатывать.

Своеобразным вариантом “новой домашней экономики” стало объяснение вовлечения супругов в домашнюю работу в терминах теории их относительной производительности. Логика, развиваемая в рамках этого

теоретического подхода, выглядит так: домашняя работа выполняется тем членом домохозяйства, производительность которого на рынке труда минимальна. Производительность в данном случае измеряется уровнем материального вознаграждения и позициями в статусной иерархии формальной экономики. Поскольку, при прочих равных условиях, заработок и “карьерный темп” мужа выше, логично освободить его от домашней работы, переложив ее бремя на жену. В отличие от теории ресурсов, фиксирующей статическое неравенство доходов, данный подход пытается говорить на языке потенциальных возможностей, то есть задействовать динамический аспект анализа. Однако развитие логики относительной производительности предусматривает гибкость и подвижность границ внутрисемейного распределения обязанностей при изменении соотношения материальных и статусных позиций мужа и жены во внесемейной сфере. Вариативность позиций супругов на рынке труда, согласно этой теории, должна неминуемо отражаться на внутрисемейной диспозиции, в частности, на распределении домашней работы.

Насколько эта гипотеза подтверждается данными эмпирических исследований? Действительно, статус женщины в социально-профессиональной иерархии существенно влияет на степень и форму ее вовлечения в домашний труд. Чем выше профессиональный статус женщины, тем менее она включена в домашнюю экономику в форме непосредственного трудового участия, что компенсируется ростом опосредованного участия через денежный вклад в бюджет семьи. Однако участие мужа в домашнем труде обнаруживает явно выраженную инерционность в виде слабой зависимости от трудовой нагрузки жены в общественном производстве, а также от ее профессионального статуса. Стабильность степени участия мужа в домашней работе обусловлена комплексом причин, выходящих за рамки экономических факторов. Следствием такой стабильности является неизменность абсолютной величины трудовой нагрузки мужа в домашнем хозяйстве, что, однако, не

противоречит росту его долевого участия в силу сокращения временных затрат на ведение домашнего хозяйства со стороны работающей жены.

Принципиально иной подход в проблемам семейного распределения труда предлагает неoinституционализм в экономической теории. Основоположник институционализма Т. Веблен показал, что в современном обществе освобождение жены от рыночного труда является наиболее эффективной демонстрацией социального статуса мужа. Неoinституциональная традиция довольно полно представлена теорией трансакционных издержек брачных отношений. В чем суть этого взгляда?

Семья существует как институт поддержания долгосрочных отношений, уменьшая риски по накоплению специфического “семейного капитала”. Брак рассматривается как особый вид “отношенческого” контракта, в котором длительность отношений и неформальные договоренности играют не менее значимую роль, чем формальные обязательства. Вся семейная жизнь уподобляется “кооперативной игре”. Соответственно теория игр становится методологической основой интерпретации брачных отношений. При таком подходе супруги являются участниками “переговоров”, разрешение семейных споров — заключением коалиций с привлечением “третьих лиц” (детей), брак — “отношенческим контрактом”, семья — организацией с внутренней институциональной структурой, а семейные стратегии — результатом минимизации трансакционных издержек поддержания долговременных рискованных отношений.

Семья предстает как специфический вид вертикальной интеграции разностатусных субъектов. Почему возможна и целесообразна такая интеграция? С позиции данной теории, как только отношения партнеров становятся сложными и, что принципиально, долговременными, то их отношения все хуже регулируются “полными” контрактами, в которых оговорены все обязательства сторон при любых возможных обстоятельствах. Соответственно семья есть способ избегания “полных” контрактов при

построении сложных и долговременных отношений. Продолжительность совместной жизни определяется соотношением норм накопления специфического семейного капитала и рыночного человеческого капитала. Сохранив экономический взгляд на природу вещей, неоинституционализм существенно расширяет границы понимания рационального поведения супругов по сравнению с неоклассическими теориями.

Сугубо экономические подходы, делающие акцент на рациональности поведения супругов, не дают исчерпывающего ответа на вопрос о детерминантах преобладания женского труда в домашнем хозяйстве. Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о неуниверсальности этих подходов, представляющих супругов в качестве *homo economicus*. Именно это обстоятельство привело к всплеску интереса социологов к данной проблеме.

В рамках социологического подхода предлагаются принципиально иные объяснения структуры домашней экономики и распределения труда между супругами.

Социологические теории демонстрируют решительный разрыв с попытками все социальные действия свести к сугубо рациональным действиям калькулирующих индивидов.

Крупнейшим теоретическим направлением, рассматривающим отношения домохозяйства и экономики в целом, явился функционализм. Наиболее влиятельный представитель этого направления, Т. Парсонс определял нуклеарную семью как наиболее адекватную форму сожительства людей в период развитого индустриального общества. По сути, это направление представляет собой социологическую реинтерпретацию базовых постулатов вышеизложенных экономических концепций.

Ролевая дифференциация как характеристика группы может существовать в двух формах — функциональной и иерархической. Функциональная дифференциация основана на выполнении членами группы функционально различающихся ролей. Иерархическая дифференциация

возникает, когда роли ранжируются по статусу в зависимости от вклада исполнителя в достижение групповой цели, что оценивается по уровню необходимой квалификации. Любая группа (и домохозяйство как ее частный случай) представляет собой сочетание функциональной и иерархической дифференциации. Объяснение иерархической дифференциации внутри домохозяйства в терминах этой концепции сводится к различиям в квалификационных требованиях, необходимых для выполнения функциональной роли мужа и жены, а также в силу разной значимости их труда для сохранения (роста) уровня жизни домохозяйства.

В рамках функционалистской парадигмы жене отводится экспрессивная (подчиненная) роль, а мужу — роль инструментальная (доминантная). По Т. Парсонсу, это разделение детерминировано не биологическими особенностями полов, а функциональными требованиями индустриального общества. Ценность мужских рабочих рук на рынке труда делает функционально необходимой их исключенность из домашней сферы с соответствующим закреплением домашней работы за женщинами. Таким образом, ответ на вопрос о причинах преобладания труда женщин в домашнем хозяйстве дается в терминах максимизации эффективности домохозяйства как экономической системы.

Иной точки зрения придерживаются авторы концепции идеологической укорененности разделения домашнего труда. Согласно этой концепции, отношение к мужчине как к основному кормильцу служит интересам квалифицированной части рабочего класса, ибо в такой идеологической атмосфере становится легитимным требование калькуляции заработка с учетом потребностей остальных членов семьи. Логика сторонников такой концепции следующая: в силу идеологического штампа восприятия мужчины как добытчика средств к существованию, он получает высокий заработок, что морально и материально оправдывает его меньшее участие в домашнем труде и “работает” на закрепление образа кормильца. Соответственно оправданной выглядит гипотеза домашней

эксплуатации на базе идеологически (а не технологически) обусловленной разницы в оплате труда супругов.. Но в данном подходе механизм неравенства объявляется производной не рынка труда, а регулирующих его хозяйственных идеологий.

Своеобразной “социологической” версией “новой домашней экономики” явилась концепция “*домохозяйственных стратегий*” Эта концепция идейно и содержательно восходит к более ранним работам по изучению стран третьего мира, в частности, способов выживания бедняков гетто. Смысловая доминанта концепции, на наш взгляд, состоит в переосмыслении понятия “труд”. Дж. Гершуни, центральная фигура этого направления, поставил вопрос о соотношении труда в формальном секторе с “самообеспечением” внутри домохозяйства. “Стратегия домохозяйств” определяется как способ концентрации коллективных усилий членов домохозяйства для достижения определенного уровня жизни и темпа социальной мобильности. Концепция “домохозяйственных стратегий” базируется на представлении, что, несмотря на индивидуальные характеристики, член домохозяйства практически всегда завязан на поведенческие ориентации остальных домочадцев. Как результат, стратегия домохозяйства является не механической суммой индивидуальных устремлений его членов, а сложным комплексом взаимоориентированных и взаимозависимых стратегий. Термин “стратегия домохозяйства” акцентировал внимание также на том обстоятельстве, что внешне целостное поведение домохозяйства представляет собой результат сложного согласования отнюдь не полностью совпадающих интересов его членов. При этом наибольшим потенциалом конфликтности обладают гендерные и возрастные различия членов домохозяйства.

В последние десятилетия получают развитие так называемые “*статусные теории*”, акцентирующие внимание на взаимодействии индивидов посредством “считывания” статусной информации друг о друге, что формирует их взаимные ожидания, влияющие, в свою очередь, на

реальное поведение. Одной из важных статусных характеристик является гендер. Различия в статусе мужчины и женщины, согласно этой теории, являются принципиальным источником гендерных различий в поведении. Таким образом, дифференциация статусов супругов формирует определенные взаимные ожидания в плоскости повелевания — подчинения, что определяет модель взаимодействия мужа и жены в рамках домохозяйства.

Весьма интересны *сексуально-ролевые теории*, использующие логику биологической или психологической редукции. Принципиальная особенность таких теорий состоит в признании биологической обусловленности гендерной специфики. Истеричность, неуравновешенность, преобладание эмоций над рассудком, сексуальная холодность — вводятся в понятие “норма” при характеристике женского поведения. Предполагается, что эти черты допустимы в домашнем хозяйстве и недопустимы в общественном, где сталкиваются интересы многих людей, и потому возможные издержки слишком велики. При этом делается акцент на том обстоятельстве, что биологически заданные поведенческие модели крайне инерционны и едва ли меняются с изменением положения женщин в экономическом пространстве. Этим, в конечном итоге, объясняется монополия женщин на домашний труд даже при увеличении их возможностей на рынке труда. Речь идет также о сексуальном шантаже, который направлен на “выторговывание” благоприятных условий на трудовом фронте. Сексуальная асимметрия трактуется как механизм неравного распределения труда между супругами.

Теории легитимизации поведенческих образцов сводят проблему ролевой дифференциации внутри группы (соответственно и внутри домохозяйства как частного случая группы) к стремлению индивидов соответствовать легитимным образцам, зависящим от пола, возраста, образования, социального статуса и т. д. Легитимность лидерства мужчин и подчиненного положения женщин на уровне общества, транслируясь на

уровень семьи, неизбежно приводит к праву мужчины выбирать степень участия в домашнем хозяйстве. Нагрузка женщины в домашней экономике рассматривается как производная этого выбора. Учитывая низкий общественный статус, рутинность и однообразность домашнего труда, мужчины, используя свое право выбора, минимизируют участие в этом труде. Соответственно растут домашние обязанности женщин.

Подводя итоги обзора социологических версий ролевой дифференциации в рамках домашней экономики, отметим, что нет оснований для вывода о безусловной и изначальной предпочтительности какой-то одной теоретической схемы перед остальными. С позиций функционализма, иерархия семейных статусов детерминирована дифференциацией компетенции и степени ответственности членов домохозяйства. Теории статусного восприятия вносят важную поправку: имеет значение не столько реальная дифференциация компетенции и ответственности, сколько их ментальная оценка и ожидания окружающих. Гендер как статусная характеристика индивида провоцирует определенный набор ожиданий относительно меры ответственности и компетенции, что и определяет в конечном итоге функциональную и иерархическую дифференциацию внутри домохозяйства. Сексуально-ролевые теории акцентируют внимание на генетически обусловленной специфике “мужского” и “женского” труда, тогда как теории “пресса” легитимизации трактуют разделение труда на мужской и женский (как внутри, так и вне домохозяйства) как результат легитимизации определенных поведенческих образцов. Другими словами, во всех теориях речь идет о регулировании трудового поведения супругов представлениями о “норме” и “отклонении” в их гендерном аспекте. Разница подходов состоит в том, что процесс конструирования норм и воспроизводства санкций за их нарушение объявляется результатом действия принципиально разных механизмов. В одном случае это механизм биологической адекватности, в другом — социального сканирования

статусов, в третьем — идеологически обусловленной предзаданности поведения.

Охарактеризованные выше социологические теории в той или иной степени прошли верификацию в эмпирических исследованиях, проводимых российскими и зарубежными социологами. Эти теории были представлены в исследованиях виде рабочих гипотез, объясняющих принципы распределения труда в домашнем хозяйства, а также степень равенства/неравенства в этом распределении.

К гипотезам о принципах распределения труда относится, прежде всего, гипотеза *уравнительного соучастия, или эгалитарного распределения труда*. Затраты труда распределяются между супругами относительно равномерно. В первую очередь, это касается совокупных трудовых затрат, но, в тенденции, также и нагрузки по отдельным видам труда. Если один занимается чем-то (например, домашним или подсобным хозяйством), то другой втягивается в процесс соучастия, чтобы работать вместе, оказывая поддержку друг другу, и к тому же соблюдая принцип уравнительной справедливости. Рыночная компонента труда практически также уравнена: женщина занята на рынке труда в той же мере, что и мужчина. Добавим, что данная гипотеза рисует демократический идеал феминизма.

Эта гипотеза не подтвердилась. И хотя уровень совокупных затрат труда у мужчины и женщины относительно близок, но эгалитарным распределением это не назовешь. Так, на мужчину приходится 45 %, на женщину — 55 % семейного времени, соответственно у женщины совокупные затраты труда в неделю составляют около 78 часов, у мужчины — 66 часов. Это означает, что в среднем (с учетом выходных) трудовой день женщины на полтора часа длиннее. Что касается отдельных видов труда, то наиболее близки к идеалу эгалитарности трудовые затраты в личном подсобном хозяйстве. Женщины и здесь трудятся больше, чем мужчины, но разница между ними минимальна — 51 % против 49 %. Труд в саду и огороде — дело поистине коллективное. Люди выезжают вместе и трудятся

бок о бок. Любопытно, что распределение подсобного труда не зависит ни от каких параметров — демографических, профессиональных, материальных. (сослаться на статью)

Рыночный труд распределен уже весьма неравномерно. На долю мужчин приходится 62 %, на долю женщин — лишь 38 % рыночных усилий семьи. Мужчины по-прежнему более активно представлены на рынке труда. А вот в частной сфере мы видим обратную картину: на долю мужчин приходится менее трети (31 %) семейных затрат домашнего труда, тогда как женщине достается, соответственно, 69 %. Таким образом, более высокая общая трудовая нагрузка женщины связана преимущественно с домашним трудом, хотя разрыв частично компенсируется большей загруженностью мужчин на рынке труда.

2. Гипотеза *дифференцированной трудовой активности, или неравной дееспособности* супругов. Нагрузка распределяется неравномерно по всем видам труда, причем, без достаточных компенсационных эффектов. Кто более активен в одной сфере трудовых занятий, оказывается относительно более активным и в другой. Степень трудовой активности определена, во-первых, индивидуальными характеристиками супругов (склад характера, состояние здоровья). Во-вторых, она зависит от специфики аффективных связей в семье, неравного распределения власти в гендерных отношениях. Речь идет об использовании благорасположения супруга(и) сразу по всем направлениям. Эта гипотеза, таким образом, включает психологический и физиологический элементы. Данная гипотеза в целом не подтверждается. Нет однозначной связи между рыночным и подсобным трудом, а рыночный и домашний труд находятся в обратной зависимости. Чем больше мужчина вкладывается в оплачиваемую занятость, тем меньше времени он тратит на домашние обязанности и на труд в личном подсобном хозяйстве. У женщин активности сразу на всех фронтах тоже не наблюдается. Единственное исключение составляет соотношение труда в домашнем и личном подсобном

хозяйствах: с ростом одного растёт и другое. Впрочем, это касается в основном мужчин, домашняя нагрузка которых сопровождается ростом труда в подсобном хозяйстве (таких мужчин принято называть “хозяйственными”). У женщин связь между количеством часов, затраченных в домашнем и подсобном хозяйствах, не обнаружена. Увеличение трудового бремени в одной сфере труда, с некоторыми исключениями, приводит к экономии усилий в другой сфере (возможно, просто не остается времени и сил).

Гипотеза *эффективной специализации, или распределения труда* между супругами. В рамках такой версии происходит разумное распределение труда: один из супругов берет на себя одни обязанности, другой старается взять на себя другие. Различия, таким образом, касаются занятости отдельными видами труда (на рынке или в домашнем хозяйстве) и в общей сумме более или менее погашаются. Например, если рыночная активность мужчины более высока, то женщина больше занимается домашним хозяйством. Или если женщина вовлекается в рыночную занятость, мужчина начинает больше заниматься домашним трудом или уделять больше времени личному подсобному хозяйству. Это экономическая интерпретация. Феминистки назовут ее традиционалистской.

Эта гипотеза имеет куда больше эмпирических оснований. Ибо чем выше доля времени, затрачиваемого одним из супругов (не важно, мужчиной или женщиной) на рынке труда, тем меньше доля времени, уделяемого домашнему хозяйству. С этой точки зрения поведение супругов выглядит довольно рациональным. Увеличение занятости мужчины на рынке труда, действительно, вынуждает женщину уделять больше времени домашнему хозяйству. А вот в случае с женщинами все обстоит несколько иным образом. Если женщина больше часов проводит на работе, то мужчина отнюдь не начинает больше выкладываться на домашнем фронте — подобная связь отсутствует. Иными словами, увеличение оплачиваемой занятости позволяет женщине снять с себя часть домашних обязанностей (ее

доля в домашнем труде снижается), но эти обязанности не перекладываются на плечи мужчины (его домашняя занятость возрастает только относительно, а не абсолютно). Эти домашние обязанности “подвисают”, возможно, в ущерб домашнему благополучию и комфорту или подхватываются другими членами семьи (сестрами или бабушками). Таким образом, рационализация в распределении труда между супругами в духе *homo economicus*, очевидно, существует, но реализуема прежде всего мужчинами. Жизнь женщины в стандарты “экономического человека” пока не вписывается.

Гипотеза экономического утилитаризма, или максимизации дохода. Согласно этой гипотезе каждый супруг направляет свои трудовые усилия туда, где его/ее труд даст наибольшую отдачу для блага всей семьи. Соответственно, основной кормилец получает возможность снижать затраты труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Тот, кто зарабатывает меньше, независимо от гендерного признака, вынужден взять эту нагрузку на себя.

Данные о семейных доходах подтверждают гипотезу об эффективной специализации в рамках совокупных трудозатрат. Чем больший доход приносится в дом мужчиной, тем меньше его доля в домашнем и подсобном труде (хотя снижение и не радикально). При этом абсолютные затраты мужчины на домашний труд почти не снижаются, зато женщина начинает больше работать по дому. Если же возрастает роль женщины как кормильца семьи, она также слагает с себя часть домашних обязанностей. Перелом достигается, когда заработки женщины начинают покрывать более одной четверти семейного бюджета. Однако при росте денежного вклада женщины домашний труд мужчины растет лишь в относительном, но не в абсолютном выражении. Утилитаристские законы работают в большей степени на мужчину.

Гипотеза домашней эксплуатации. Женщина является объектом эксплуатации в домашнем хозяйстве со стороны мужчины: домашний труд в значительной степени ложится на плечи женщины и не зависит от рыночной

нагрузки супругов. Увеличение рыночной нагрузки женщины не приводит к серьезному перераспределению ее домашних обязанностей. Также как и снижение оплачиваемой занятости мужчины не приводит к его большому вовлечению в домашние дела. Подобное положение вещей покоится на воспроизводстве многовековой традиции гендерной дискриминации. Эта крайне популярная гипотеза не подтвердилась. Возрастание нагрузки женщины на рынке труда влечет за собой снижение ее домашних забот в абсолютном и в относительном выражении. Если занятость мужчины на рынке снижается, то его вклад в домашнее хозяйство, пусть не значительно, но растет, то есть происходит частичное перераспределение обязанностей. Хотя общая трудовая нагрузка, лежащая на плечах женщины, более тяжела, все-таки говорить о “двойной нагрузке” нельзя.

Гипотезы о степени равенства/неравенства в распределения рыночного и домашнего труда также прошли в определенной степени эмпирическую проверку.

Гипотеза *дифференцированной семейной привязанности* формулируется следующим образом: наличие несовершеннолетних детей в наибольшей степени привязывает женщину к домашнему хозяйству. Рост в семье числа иждивенцев также способствует относительному увеличению домашнего труда женщины. Вопреки ожиданиям, с появлением детей занятость на рынке труда и в домашнем хозяйстве возрастает как у женщины, так и у мужчины. Серьезного перераспределения трудовых затрат между супругами не наблюдается. Дополнительное бремя увеличивается, но происходит это относительно равномерно. Другое дело, что в случае с домашним трудом возрастает и без того немалый разрыв между женщиной и мужчиной в часах времени, которое уходит на домашние дела. С ростом иждивенческой нагрузки, как и в случае с несовершеннолетними детьми, обоим супругам приходится работать больше. Но существенная разница состоит в том, что рыночный труд устойчиво растет прежде всего у мужчин. У женщины занятость на рынке труда изменяется более сложным образом.

Появление лиц на иждивении заставляет ее работать больше для поддержания жизненного уровня семьи. Но если доля иждивенцев относительно числа кормильцев достигает 2:1 и более, то рыночный труд женщины резко снижается. В этой группе велика доля домохозяек. С домашним трудом противоположная ситуация: его рост демонстрируют, прежде всего, женщины. Мужчина не берет на себя дополнительных обязанностей, концентрируясь на возможности дополнительных заработков.

Гипотеза *возрастного уравнивания*. Чем старше становятся супруги, тем более эгалитарным выглядит разделение труда в семье. Во-первых, по мере взросления детей женщина становится более активной на поприще рыночной занятости. Во-вторых, с возрастом и увеличением семейного “стажа” возрастает взаимная поддержка супругов, что может проявляться, в том числе, и в более равномерном распределении трудовых обязанностей. Данная гипотеза подтверждается только в отношении рыночного труда. Мужчины достаточно активны на рынке труда в течение всего трудоспособного возраста. Женщины до 35 лет заняты в рыночной сфере значительно меньше, затем их активность возрастает. Соответственно, доля мужчины в семейной оплачиваемой занятости с возрастом снижается. Исключение составляют те, кому за 60. В этом возрасте масштабы оплачиваемой занятости обоих супругов резко падают, но доля рыночной занятости мужчины решительно возрастает — работают в пенсионном возрасте чаще именно мужчины.

С домашним трудом история выглядит несколько иначе. По мере перехода к старшим возрастным группам вовлеченность в домашний труд обоих супругов снижается. Немного увеличиваются затраты домашнего труда обоих супругов в пенсионном возрасте, когда многие прекращают работать на рынке труда, но вот перераспределения домашнего труда между женщиной и мужчиной с изменением возраста не происходит. Средние величины домашнего труда слабо зависят от возраста.

Гипотеза *неизжитой “патриархальности”*. В семьях с более высоким уровнем образования и накопленного человеческого капитала распределение рыночной и домашней трудовой нагрузки более равномерное. Семьи с более низким уровнем человеческого капитала в большей степени воспроизводят “патриархальное” разделение труда. Гипотеза не подтверждается. С ростом образования супругов увеличивается их занятость на рынке труда, а также роль оплачиваемой занятости в совокупной трудовой нагрузке обоих партнеров. На перераспределение труда (как рыночного, так и домашнего) это никак не влияет. Высокообразованные семьи в этом смысле мало отличаются от низкообразованных. Более образованные мужчины не проявляют большей “сознательности” в выполнении домашних обязанностей, хотя и не уклоняются от них по сравнению с менее образованными.

Гипотеза *компенсирующего третьего* состоит в утверждении, что наличие “третьих лиц” — других взрослых членов семьи — позволяет супругам освободиться от части домашнего труда. Причем, в первую очередь, от этого выигрывает женщина. Например, супруга не успевает готовить еду и ухаживать за детьми, часто за нее это делает ее мать. В результате трудовая поддержка других членов семьи (в первую очередь, бабушек) снижает степень неравенства между супругами в домашнем труде. Если вместе с супругами живут их родители или другие взрослые родственники, то они, как правило, могут помочь в домашних делах. А поскольку доля женщины в домашнем труде выше, то она, соответственно, больше нуждается в такой помощи. Гипотеза лишь частично подтверждается исследованиями. При поддержке других взрослых членов семьи, оба супруга могут спокойно увеличивать свою рыночную занятость, которая возрастает в этом случае и по количеству рабочих часов, и по удельному весу в общей трудовой нагрузке каждого из супругов. Но перераспределения домашнего труда между супругами не обнаружено. Это означает, что мужчина и женщина примерно в равной мере выигрывают от родственной поддержки и

получают возможность перераспределить свои усилия в пользу оплачиваемой занятости, что не ведет к росту эгалитарности в их отношениях.

Согласно гипотезе *статусных преимуществ*, женщины часто имеют более низкий должностной статус, что отражается на распределении труда в домашнем хозяйстве. Наличие относительно высокого статуса у мужчины ведет к усилению неравенства в домашнем труде в его пользу. Повышение должностного статуса женщины не приводит к кардинальному переопределению ситуации, однако усиливает равномерность в распределении домашнего труда. Гипотеза подтверждается только относительно одной группы — руководителей, да и здесь применительно в основном к мужчинам. Мужчина-руководитель, действительно, больше времени проводит на работе, значительно меньше внимания уделяет домашним обязанностям, и, соответственно, его доля в рыночном труде выше, а в домашнем — ниже. Прочие категории работников по этому основанию между собой практически не различаются. Что же касается женщин, то изменения их должностных статусов на интересующие нас параметры не влияет. Даже если женщина оказывается руководителем, ей, конечно, приходится больше времени проводить на службе, но кардинального изменения в совокупном труде это не вызывает.

В соответствии с гипотезой *растущего благосостояния* с ростом доходов и материального благосостояния семьи женщина освобождается от рыночного труда и становится обеспеченной домохозяйкой. Гипотеза в целом подтверждения не нашла. Возрастающий уровень материального благосостояния не освобождает женщину от рыночной занятости. С ростом имущественной обеспеченности рыночная нагрузка женщины даже возрастает. Относительная обеспеченность не означает ни ухода женщины с рынка труда, ни увеличения ее домашней нагрузки. Рост материального благосостояния в большей степени связан с изменением рыночных позиций мужчины. На положение женщины он особого влияния не оказывает.

Гипотеза *прогрессивности столичной жизни* предполагает, что жители Москвы демонстрируют более эгалитарное распределение рыночного и домашнего труда между супругами по сравнению с жителями других городов. Анализ данных не дает оснований для подобного утверждения. Рыночный труд столичных мужчин продолжительнее; выше и доля рыночного труда в совокупных трудовых затратах. Что же касается домашнего труда, то никаких “столичных веяний” не наблюдается.

Сформулируем некоторые выводы. Труд в семье распределяется между супругами неравномерно. Бремя женщины более велико, но главные различия касаются не столько совокупной трудовой нагрузки, сколько неравного распределения отдельных видов труда. Тяготы рыночной занятости больше выпадают на долю мужчины, а домашние хлопоты в большей степени ложатся на женщину. Труд на садово-огородных участках и в личных подсобных хозяйствах распределен между супругами практически равномерно. Распределение рыночного и домашнего труда происходит относительно “рационально”: когда один супруг берет на себя одно, его/ее половина в большей степени берет на себя другое. Экономическая независимость женщины в большинстве случаев сомнительна. Однако ограниченность рыночных возможностей женщины отчасти компенсируется заметно большими властными полномочиями в решении вопросов домашнего хозяйства. “Домашняя эксплуатация” существует в том смысле, что женщина, действительно, вынуждена больше времени уделять домашнему хозяйству. Однако, о грубой эксплуатации речь не идет. Жизненный цикл женщины характеризуется большей неравномерностью, особенно в части рыночной занятости, что проявляется в период рождения и воспитания детей, а также достижения пенсионного возраста. У мужчины этот цикл носит более сглаженный характер.

Литература

1. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной и С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999. С. 127—155.
2. Арутюнян М. Особенности семейного взаимодействия в семьях с различным распределением бытовых ролей. М., 1984.
3. Артемов В.А. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970—1990-е гг. // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. С. 573—593.
4. Артемов В.А. О семейной экономике // ЭКО. 1997. № 4. С. 113—123.
5. Барсукова С. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. 2000. № 1. С. 52—68.
6. Гершуни Дж. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 343—355.
7. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / Отв. ред. С.А. Белановский. Вып. 1. М., 1992. С. 160—177.
8. Жеребин В.М., Романов А.Н. Экономика домашних хозяйств. М.: Финансы, ЮНИТИ, 1998.
9. Здравомыслова О.М. Женские роли // Тенденции социокультурного развития России. 1960—1990 гг. / Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М., 1996.
10. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
11. Калабихина И.Е. Некоторые аспекты теоретического анализа домохозяйства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5. С. 28—40.

12. Караханова Т.М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965—1998 гг. // Социологический журнал. 1999. № 3—4. С. 110—115.
13. Ленин В.И. Советская власть и положение женщины // Сб. произв. В.И. Ленина. М.: Политиздат, 1978. С. 319—321.
14. Мезенцева Е. Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 54—65.
15. Методика изучения бюджетов времени трудящихся (сборник материалов) / Науч. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП, 1966.
16. Патрушев В. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 452—471.
17. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 6. С. 50—73.
18. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1998.
19. Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Разделение труда в семье и принятие решений // Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia, 1999. С. 113—153.
20. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

**ПРОГРАММА КУРСА
«СОЦИОЛОГИЯ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА»**

Тема 1. Предмет и задачи курса

Экономическая социология как отрасль социологического знания. Социология домашнего хозяйства в структуре экономической социологии. Предмет социологии домашнего хозяйства.

Цели и задачи социологии домашнего хозяйства как учебной дисциплины.

Тема 2. Домашнее хозяйство как социальный институт

Понятие домашнего хозяйства. Домохозяйство как сфера занятости. Соотношение семьи и домохозяйства. Семейное и несемейное домохозяйство.

Типы домохозяйств по территориально-региональному, демографическому, доходному, имущественному и другим признакам.

Тема 3. Семейное домохозяйство

Понятие семейного домохозяйства. Взаимодействие структуры семьи и домохозяйства.

Функции семьи и домохозяйства.

Динамика семьи и домохозяйства.

Соотношение сфер жизнедеятельности семьи и домашнего хозяйства.
Статусы и роли в семье и домохозяйстве

Тема 4. Проблемы домашнего труда

Неизмеримая экономика как признак домашней экономики. Разделение труда внутри домохозяйств. Модели разделения домашнего труда.

Принципы моральной экономики в отношениях внутри домашнего хозяйства.

Производительность домашнего труда. Размеры и структура затрат времени на домашний труд.

Стоимость домашнего труда.

Тема 5. Структура домохозяйства и факторы ее изменения

Основные стадии жизненного цикла домохозяйства.

Особенности распределения профессиональных и семейных ролей в зависимости от стадии жизненного цикла.

Потребности домохозяйств и принятие потребительских решений на разных этапах развития домохозяйства.

Тема 6. Система функций домохозяйств

Производственные и воспроизводственные функции домохозяйств
Понятие человеческого капитала как знаний. Умений и навыков человека.
Воспитание и образование как основа формирования физического и интеллектуального капитала.

Семейное предпринимательство. Индивидуальное участие членов домохозяйства в рыночной экономике.

Экономические нетрудовые функции домохозяйств (сдача в аренду семейного имущества, покупка ценных бумаг и др.).

Социальные функции домохозяйства (социализирующая, интегративная, контролирующая и др.).

Тема 7. Бюджет домохозяйства

Понятие и функции бюджета домохозяйства. Доходы домохозяйств.
Номинальные и реальные доходы. Денежные и натуральные доходы.
Легальные и нелегальные доходы. Расходы бюджета домохозяйства.
Гендерные факторы формирования бюджета семейного домохозяйства.

Семейный бюджет и уровень жизни.

Тема 8. Домохозяйство как управляющая организация

Домохозяйство и проблемы рационального поведения. Типы и формы поведения домохозяйств на рынке. Стратегии домохозяйств. Стратегия выживания. Способы увеличения благосостояния семейного домохозяйства. «Новая экономика семьи» Г. Беккера.

Тема 9. Социальные характеристики домашнего хозяйства в переходной экономике

Особенности домохозяйств в различных экономических условиях.

Домохозяйство в рыночной экономике. Домашнее хозяйство в командной экономике.

Специфика стратегий домохозяйства в переходной экономике.

Тема 10. Гендерные аспекты функционирования домашнего хозяйства

Гендерная дифференциация домохозяйственных статусов и ролей.

Женщина в семейном домохозяйстве: статус и основные роли. Положение и основные функции мужчины в реализации задач домашнего хозяйства.

Социализация мальчиков и девочек в домашнем хозяйстве.

Тема 11. Этнорелигиозные аспекты функционирования домашнего хозяйства

Культура как фактор функционирования и развития домохозяйств.

Специфика домохозяйств в рамках различных этнических культур.

Религия как условие функционирования домохозяйства.

Темы для самостоятельного изучения

1. Потребительское поведение домохозяйств
2. Социальная стратификация как фактор дифференциации домохозяйств
3. Реципрокные отношения в домохозяйстве
4. Поселенческие особенности домохозяйств
5. Крестьянские домохозяйства

Вопросы к зачету

1. Экономическая социология как отрасль социологического знания.
2. Социология домашнего хозяйства в структуре экономической социологии. Предмет социологии домашнего хозяйства.
3. Цели и задачи социологии домашнего хозяйства как учебной дисциплины.
4. Понятие домашнего хозяйства.
5. Домохозяйство как сфера занятости.
6. Соотношение семьи и домохозяйства. Семейное и несемейное домохозяйство.
7. Типы домохозяйств по территориально-региональному, демографическому, доходному, имущественному и другим признакам.
8. Проблемы домашнего труда
9. Неизмеримая экономика как признак домашней экономики.
10. Разделение труда внутри домохозяйств. Модели разделения домашнего труда.
11. Принципы моральной экономики в отношениях внутри домашнего хозяйства.
12. Производительность домашнего труда. Размеры и структура затрат времени на домашний труд.
13. Стоимость домашнего труда.

14. Структура домохозяйства и факторы ее изменения
15. Основные стадии жизненного цикла домохозяйства.
16. Особенности распределения профессиональных и семейных ролей в зависимости от стадии жизненного цикла.
17. Потребности домохозяйств и принятие потребительских решений на разных этапах развития домохозяйства.
18. Система функций домохозяйств
19. Производственные и воспроизводственные функции домохозяйств
20. Семейное предпринимательство.
21. Индивидуальное участие членов домохозяйства в рыночной экономике.
22. Экономические нетрудовые функции домохозяйств (сдача в аренду семейного имущества, покупка ценных бумаг и др.).
23. Социальные функции домохозяйства (социализирующая, интегративная, контролирующая и др.).
24. Понятие и функции бюджета домохозяйства.
25. Доходы домохозяйств.
26. Расходы бюджета домохозяйства.
27. Гендерные факторы формирования бюджета семейного домохозяйства.
28. Семейный бюджет и уровень жизни.
29. Домохозяйство как управляющая организация
30. Домохозяйство и проблемы рационального поведения.
31. Типы и формы поведения домохозяйств на рынке.
32. Стратегии домохозяйств. Стратегия выживания.
33. Способы увеличения благосостояния семейного домохозяйства.
34. «Новая экономика семьи» Г. Беккера.
35. Особенности домохозяйств в различных экономических условиях.
36. Домохозяйство в рыночной экономике.
37. Домашнее хозяйство в командной экономике.

38. Специфика стратегий домохозяйства в переходной экономике.
39. Гендерная дифференциация домохозяйственных статусов и ролей.
40. Женщина в семейном домохозяйстве: статус и основные роли.
41. Положение и основные функции мужчины в реализации задач домашнего хозяйства.
42. Социализация мальчиков и девочек в домашнем хозяйстве.
43. Специфика домохозяйств в рамках различных этнических культур.
44. Религия как условие функционирования домохозяйства.

Литература

Основная

1. Современные теории занятости / Под ред. Антохиной И.И.. М., 2003
2. Соколова Э.В. Экономическая социология. Минск, 2002
3. Социология труда и занятости: курс лекций / Под ред. Олейника О.В. М., 2001

Дополнительная

1. Жеребин В.М., Романов А.Н. Экономика домашних хозяйств. – М.: Финансы, 1998
2. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике. СПб. : Наука, 1998
3. Олейник И. Институциональная экономика. М., 1999
4. Калабихина И.Е. Некоторые аспекты теоретического анализа домохозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика, 1995, № 5
5. Алешина И.В. Поведение потребителей. М, 1999
6. Калабихина И.Е. Гендерный фактор воспроизводства человеческого капитала// Вестник московского университета. Сер. 6. Экономика, 1998, № 5.

7. Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение // США: ЭПИ, 1994, № 6
8. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS, 1994, № 6
9. Олейник А. Домашние хозяйства в переходной экономике: типы и особенности поведения на рынке // Вопросы экономики. 1998. № 12
10. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1985